

Валентин
Валентинович
НОВОЖИЛОВ

*Историко-
биографические
этюды*

*Переводы
английских
поэтов
XVI-XVII вв.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1995

Академик Валентин Валентинович Новожилов (1910—1987) был не только выдающимся ученым — механиком и кораблестроителем, но и знатоком гуманитарной культуры, ценителем поэзии. В сборнике представлены стихотворения английских поэтов XVI — XVII вв. — Шекспира, Марло, Донна, Бена Джонсона, Дэниела, Спенсера и др. в переводах В. В. Новожилова, заметки об их жизни и творчестве, а также историко-биографический очерк о Елизавете I Английской и Марии Стюарт.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (проф. В. Е. Спиро)

О королеве Англии Елизавете, пирате сэре Уолтере Рэли, его таверне «У морской девы» и ее посетителях, а также об их достойных современниках с приложением избранных стихотворений перечисленных леди и джентльменов в переводах В. Новожилова

Королева Елизавета

РОБЕРТ САУСВЕЛЛ

«Была королева — стала святая»
Круговорот времен

ФИЛИПП СИДНИ

Сонет 1
Сонет 2
Сонет 31
Сонет 39

ЭДМУНД СПЕНСЕР

Сонет 1
Сонет 34
Сонет 67
Сонет 75

ФАЛК ГРЭВИЛ

«Ночь все цвета переплавляет в мрак»

КРИСТОФЕР МАРЛО

Страстный пастух своей возлюбленной

СЭМЮЭЛ ДЭНИЕЛ

Сонет 6
Сонет 49
Стихи, приложенные к изданию «Опытов» Мишеля де Монтеня на английский язык

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Сонет 23
Сонет 33
Сонет 40

Сонет 41
Сонет 55
Сонет 59
Сонет 66
Сонет 71
Сонет 73
Сонет 75
Сонет 90
Сонет 93
Сонет 100
Сонет 110
Сонет 115
Сонет 121
Сонет 130
Сонет 149

ТОМАС КЭМПИОН

«Коль не можешь — не люби»
Колдовство

ДЖОН ДОНН

Разбитое сердце
Колдовство образа
Вздых
Вычисление
Приманка
Трижды глупец
Завещание
Воздух и ангелы
Песня («Иди, поймай звезду, что с неба упадет»)
С добрым утром
Песня («Мой нежный друг, я не уйду»)
Сонет 4
Сонет 7
Сонет 10
Призрак

УОЛТЕР РЭЛИ

Ответ нимфы страстному пастуху
О жизни человека
«Дай раковину мне покоя»
«Вот моя самая последняя просьба»
«Время таково: оно почитает за благо»

БЕН ДЖОНСОН

К Целии
В память моего любимого учителя, автора Вильяма Шекспира о том, что он
нам оставил (*Отрывок*)

Послесловие

Примечания переводчика

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академик Валентин Валентинович Новожилов принадлежал к кругу той русской интеллигенции, остатки которой чудом сохранились в России вопреки всем общественным катаклизмам эпохи. Вспомним, кто они, эти люди: Юлиан Александрович Шиманский, Алексей Николаевич Крылов, Леон Абгарович и Иосиф Абгарович Орбели, Лев Николаевич Гумилев. Их отличало стремление и умение познать жизнь во всем ее многообразии, исключительно высокая общая культура.

Валентин Валентинович проработал в ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова без малого 50 лет. Для многих из нас - уже немалых сотрудников института — Новожилов был выдающимся ученым - механиком и инженером. Но мало кто знал о его напряженной духовной жизни, об интеллектуальных интересах, лежавших вне сферы науки.

Благодаря усилиям родных Валентина Валентиновича, отобравших в архиве академика наиболее интересные опыты, мы можем узнать еще об одной грани этой незаурядной личности — его увлечении историей и поэзией. Англия эпохи королевы Елизаветы, поэты той поры, включая гениального Вильяма Шекспира,— вот круг интересов Валентина Валентиновича в последние годы жизни.

Восприятие поэтических переводов В. Новожилова в профессиональных кругах не было однозначным. Из материалов и переписки, связанных с этим, можно понять, что в техническом отношении его стихи, по-видимому, уступают написанным такими мастерами поэзии, как С. Маршак или Б. Пастернак. По переводы английских поэтов, сделанные В. Новожиловым, имеют важное достоинство — точность в передаче оригинального текста и его эмоционального акцента. Наверное, и такой подход имеет право на жизнь. Не вдаваясь в литературоведческие споры, заметим, что нами прежде всего руководило стремление сохранить память о творчестве выдающегося человека, нашего современника, учителя и коллеги.

Валентин Валентинович, возможно, не предполагал выносить свои произведения на суд широкой читательской аудитории. Но нам кажется, что знакомство с литературным наследием академика Новожилова небольшого круга его коллег и учеников, которое мы можем осуществить силами института, послужит добрым делом. Оно позволит и молодому поколению ученых, которые знают академика по трудам в области механики, и тем, кому довелось общаться с Валентином Валентиновичем, еще глубже оценить многогранность таланта этого человека, его эрудицию, вкус культуру.

Поскольку на рукописном тексте переводов есть пометка о том, что они посвящаются великой русской балерине Галине Сергеевне Улановой, мы сохранили это посвящение при их издании.

Проф. В. Е. СПИРО

*Посвящается Галине Улановой
11.04.82*

О

королеве

Англии

ЕЛИЗАВЕТЕ,

пирате сэре УОЛТЕРЕ РЭЛИ,

его таверне «У морской девы»

и её постоянных посетителей;

СЭМЮЭЛЕ ДЭНИЕЛЕ,

БЕНЕ ДЖОНСОНЕ, ДЖОНЕ ДОННЕ

и ВИЛЬЯМЕ ШЕКСПИРЕ,

а также об их достойных

современниках;

ФЛАКЕ ГРЭВИЛЕ, ПОМАСЕ КЭМЛМОНЕ,

КРИСПОФЕРЕ МАРЛО, РОБЕРТЕ САУСВЕЛЛЕ,

ФИАИПТЕ СИНДИ и ЭДМУНДЕ СТЕНСЕРЕ

с приложением

избранных стихотворений

перечисленных леди и джентльменов

в переводах на русский язык

В. НОВОЖИЛОВА

Королева

ЕЛИЗАВЕТА

(1533 - 1603)

Элизе было только три года, когда Генрих VIII — ее отец повелел отрубить голову Анне Болейн — ее матери. Детство девочки было бедным и опасным: смерть витала над членами семьи Тюдор. Когда отец умер, Элизе исполнилось уже 14 лет. Первые годы жизни запомнились ей навсегда: она стала осторожной, расчетливой, бережливой, привычной к обстановке постоянной опасности. Будучи третьей среди претендентов на престол (после брата Эдуарда — моложе ее на четыре года и сестры Марии — старше ее на 17 лет) она, казалось бы, имела мало шансов стать королевой. Но привезенная еще в эпоху Колумба из Америки страшная наследственная болезнь, называвшаяся тогда великой оспой (Great Pox), а ныне сифилисом, рано свела в могилу и брата, и сестру, обойдя каким-то чудом Элизу. И судьба сложилась так, что уже в 25 лет она взошла на английский престол и стала Елизаветой I. Государство, которым ей предстояло управлять, находилось в плачевном состоянии, оно было разорено бесхозяйственностью деспотичного отца, раздираемо религиозными страстями, накаленными противоположной политикой отца и сестры (он травил и истреблял католиков, она — протестантов), переживало трудную пору перехода от феодализма к торгово-промышленному строю, связанную с народными восстаниями и заговорами аристократов. Только что была проиграна война с Францией, в результате которой Англия потеряла важную для торговли опорную точку на континенте — порт Кале. К тому же над страной нависла чреватая угрозой вторжения опасность войны с Испанией. Эта война была не только неизбежна, но и необходима, так как при господстве Испании и на суше, и на море Англия как островное государство была обречена на прозябание.

Но начало войны надо было во что бы то ни стало оттянуть, используя время на укрепление внутреннего положения в стране и развитие ее флота. По счастью, король Филипп II с войною также не спешил. Испании приходилось в ту пору тратить много сил и средств на подавление восстаний в подвластных ей Нидерландах. Но не только это было причиной неторопливости испанского короля. Он долгое время надеялся подчинить Англию, не прибегая к войне, — либо путем брака с Елизаветой, либо путем ее устранения. Католичество все еще оставалось в Англии внушительной силой и являлось благодатной почвой для организации заговоров. Знаменем заговорщиков была королева Шотландии Мария Стюарт, претендовавшая и на английскую корону как потомок (по женской линии) основателя династии Тюдоров Генриха VII. Права же Елизаветы на престол оспаривались, так как

она была зачата до брака.

В 1567 году Мария Стюарт была свергнута с шотландского престола. Причиной ее низложения были не столько любовные интриги и связанные с ними убийства (о которых так много писалось), сколько несовместимость Марии — убежденной католички — с ее народом, ставшим к тому времени фактически приверженным протестантству в его наиболее радикальных формах. Вынужденная бежать из Шотландии, Мария направилась в Англию, безосновательно надеясь, что Елизавета поможет ей вернуть утраченный престол.

По традициям борьбы за власть попавшую в руки соперницу следовало, казалось бы, немедленно уничтожить, Елизавета, однако, поняла, что теперь в ее распоряжении великолепный, хотя и очень рискованный способ оттянуть начало войны. Для этого надо было бережно сохранять жизнь Марии Стюарт, поддерживая у Испании надежды на осуществление в Англии католического переворота. Риск был тем более велик, что успех Марии Стюарт интересовал не только Испанию, но и Францию— вторую по значению и силе католическую державу. Ведь по образованию, воспитанию и родственным связям Мария была скорее французенкой, чем англичанкой или шотландкой. Родным ее языком был французский.

Елизавета с большим искусством вела опасную игру, ставя на карту собственную жизнь, и весь этот долгий срок (в общей сложности тридцать лет) она и ее бессменный канцлер Сесиль лорд Берли (1520—1598) принимали все меры по укреплению Англии: налаживали расстроенные финансы, поощряли развитие промышленности и торговли, искали и нашли приемлемое для всех слоев населения решение религиозных проблем в форме, сохранившейся почти без изменения до наших дней. Любое сопротивление реформам безжалостно подавлялось, откуда бы оно ни исходило. Особенные жестокости выпали при этом на долю народа первой колонии Англии — Ирландии, где англичане вели себя почти так же, как испанцы в своих заморских владениях: не щадили ни детей, ни женщин, полностью истребляя целые племена. Дело в том, что в Ирландии католицизм был особенно крепок, и она была тем «черным ходом», через который испанцы могли вторгнуться в Англию.

А на море в этот период велась необъявленная война. Она выражалась в действиях английских пиратов, грабивших испанские торговые и транспортные суда и нарушавших связи Испании с ее заморскими владениями - главным источником ее богатства. Хотя официально пираты действовали на свой страх и риск, но на самом деле не только при попустительстве, но и при финансовой поддержке королевы и ее ближайшего окружения, входивших с пиратами в пай и деливших с ними прибыли. Постепенно действия пиратов приобретали все больший размах. Об их предельных масштабах можно судить, например, по тому, что знаменитейший из всех пиратов сэр Френсис Дрейк (получивший от Елизаветы, называвшей его «мой любимый пират», звание рыцаря и чин адмирала) вышел в одно из своих плаваний во главе флотилии из 25

кораблей. В операциях пиратов разрабатывалась новая стратегия и тактика морского боя, закалялся опыт английских флотоводцев и моряков. Испанский король, разумеется, отлично понимал причастность Елизаветы к этим крайне для него убыточным морским операциям, но до поры до времени удовлетворялся тем, что и сам вел против нее «пиратские» действия — только не на море, а на суше, вдохновляя и финансируя заговоры против королевы. Обе стороны разыгрывали при этом одну и ту же карту — притязания Марии Стюарт, и обоим сама она была совершенно не нужна. Для Елизаветы это была опаснейшая соперница, а для Филиппа — только оружие против Елизаветы. Тяготение Марии к Франции было для него неприемлемо, так как Франция, хотя и католическая, как ближайший сильный сосед являлась естественной противницей Испании на политической арене.

Но вот настал момент, когда для Елизаветы оттягивать войну стало слишком трудно, да и невыгодно. Было очевидно, что Испания пришла к решению вторгнуться в Англию. И только тогда голова Марии Стюарт скатилась с плеч, что было сигналом к войне. Это произошло в 1587 году. Испания поспешно закончила приготовления, собрав в единый кулак — «Непобедимую Армаду» весь свой флот — около 120 тяжелых кораблей, имевших на борту более 20 тысяч солдат и около 3000 пушек. Допускать высадку противника в Англии было нельзя: испанцы имели богатый опыт в завоевании чужих земель. «Непобедимая Армада» была встречена на море и в грандиозном сражении, длившемся в общей сложности всех своих эпизодов около года и происходившем в обстановке жестоких бурь, была полностью разгромлена. Хотя схватки на море (с переменным успехом) еще некоторое время и продолжались, но вопрос «кто кого» был решен окончательно и бесповоротно. Все пути к торговле и захвату заморских земель стали для Англии теперь открыты, что привело постепенно к созданию сильнейшей в мире колониальной империи, достигшей своего зенита в XIX веке. В этом политическом триумфе велика заслуга королевы Елизаветы, заложившей его фундамент.

В литературе образ Елизаветы неотделим от образа Марии Стюарт, и вся история Англии того времени сводится к соперничеству двух королей, причем симпатии склоняются явно в пользу Марии. Ее красота, открытость, мужество и благородство противопоставляются невзрачности, коварству, трусливости и нерешительности Елизаветы. Все это не более чем литературный штамп! О нет, Елизавета не была ни труслива, ни нерешительна — она была мужественна и расчетлива! А что касается коварства и жестокости, то в этих качествах Мария, как показывает ее биография, сопернице вряд ли уступала. История отношений Елизаветы и Марии не была (как это обычно представляют) противостоянием личностей одного масштаба, а скорее напоминала игру кошки с мышью.

Бесстрашие Елизаветы видно хотя бы из того, что в тяжелейшие для Англии часы, когда вдоль ее восточного берега горели костры и страна замерла в тревоге, ожидая удара испанцев с моря, королева в латах и на коне

проехала по улицам Лондона и посетила лагерь солдат, воодушевляя их личным примером. А ведь тогда каждый третий или четвертый англичанин был или считал себя католиком, убить королеву, стоя рядом, было просто, но патриотизм в момент опасности для родины оказался выше религиозных убеждений, на что Елизавета и рассчитывала.

Для оценки ее как государственного деятеля важны ее взаимоотношения с парламентом. Английский парламент при ее отце был послушным слугой, безропотно повиновавшимся королю. Но бурное развитие промышленности и торговли сопровождалось и ростом сознания всех слоев народа в своих силах. Елизавете приходилось не раз с этим считаться. Так, например, когда в 1575 году Вентворт сказал в парламенте яркую речь о нравах и независимости палаты общин и пэров, о том, что пора перестать беспрекословно подчиняться произволу королевы, и был заключен за это по решению нижней палаты в Тауэр, то по повелению и от имени королевы министр Мидуэй объявил парламенту, что «королева поступает весьма снисходительно, подвергая дерзкого оратора только одному месяцу заключения. Но впредь парламент не должен воображать, что имеет право говорить что хочет и когда хочет. Ему рекомендуется не злоупотреблять терпением королевы».

Второй конфликт между парламентом и королевой возник уже в самом конце ее царствования, в связи с борьбой против монополий, которыми правительство торговало. Парламент протестовал против злоупотребления патентами на изготовление или торговлю тем или иным товаром, против выдачи их вельможам во вред среднему сословию — купцам и джентри.

Убедившись в серьезности и глубине конфликта, Елизавета не только уступила, но и, лично явившись в парламент, поблагодарила его членов за преданность, за то, что они, не колеблясь выражают свое мнение, предотвращая тем поступки, могущие послужить не к чести королевы и уменьшить любовь к ней подданных. Она обещала прекратить злоупотребления с патентами и наказать виновных.

Была ли Елизавета жестокой? Несомненно да. В XVI веке, который кто-то из историков назвал «пещерой со львами», пытки, виселицы, четвертование и костры были бытовыми явлениями, и Елизавета без колебания использовала эти средства. Беспощадное истребление ирландцев, имевшее целью экспансию Англии на их земли, а также предотвращение прихода туда испанцев, проводилось по ее непосредственным приказаниям.

Но в жестокости Елизаветы не было оттенков садизма, религиозного изуверства и самодурства, свойственных ее отцу Генриху VIII, ее сестре «Кровавой Мери» и ее современнику и возможному жениху Ивану Грозному.

Елизавета была не только королевой, но и высокообразованной женщиной. Она владела пятью языками, включая латынь и греческий. Умела играть на лютне и спинете. Была в молодости грациозна и миловидна и всю жизнь любила танцевать. Покровительствовала театру и сама принимала участие в театрализованных маскарадах. Будучи бережливой, она предпочитала оплачивать удовольствия не из своих (т. е. государственных)

средств, а из кармана своих вельмож. Скарденность она унаследовала от своего деда Генриха VII, который добывал деньги любыми путями, но расставался с ними крайне неохотно¹.

Елизавета любила и литературу, изредка сама писала стихи. Вот перевод одного из ее стихотворений:

Когда я была молода, красива и нравилось мне блистать,
То многие юноши меня просили возлюбленной их стать,
Но я неизменно их отвергала, повторяя день от дня:
Прочь, прочь, прочь уходите,
Оставьте в покое меня.

Так много плачущих глаз промелькнуло, забытых мною навек,
Так много вздыхавших я обманула, не дав показать свой блеск,
Но все больше в гордости утверждаясь, повторяла день ото дня:
Прочь, прочь, прочь уходите,
Оставьте в покое меня.

Но вдруг появился всесильной Венеры победоносный сын
И сказал:

«О, прелестная Дама, чересчур нерешительны вы,
Я выщиплю ваши яркие перья, чтоб нам не пришлось повторять:
Прочь, прочь, прочь уходите,
Оставьте в покое меня».

Когда он мне на ухо молвил, то холод в меня проник,
С тех пор ни днем, ни ночью покоя я не найду ни на миг,
С тех пор все больше и больше жалею, что твердила день ото дня:
Прочь, прочь, прочь уходите,
Оставьте в покое меня.

Елизавета ценила общество талантливых людей — таких, как Френсис Бэкон и Джордано Бруно, Филипп Сидни и Уолтер Рэли. Два года (1583—1585), прожитых Джордано Бруно в Англии под дружественным покровительством ее королевы, были самыми безоблачными и творчески плодотворными в его трагической жизни. Королевой был отмечен и Шекспир, хотя она не дожила до зенита его творчества и не знала ни «Гамлета», ни «Макбета», ни «Отелло», ни «Короля Лира». Больше всего ей нравилась трагедия «Генрих IV», а в ней, сколь это ни странно (учитывая ее положение), фигура Фальстафа. По преданию, «Виндзорские проказницы» были написаны по прямому заказу Елизаветы, пожелавшей вновь увидеть на сцене Фальстафа — на этот раз в роли влюбленного.

У рациональной Елизаветы была, однако, своеобразная причуда. Она не только любила, но и требовала, чтобы ее называли королевой-девственницей, хотя, как острил самый веселый из всех французских королей Генрих IV, она была таковой не более, чем он римским папой. Действительно, Елизавета любила находиться в окружении мужчин и у нее постоянно были фавориты. Наиболее известными из них были граф Лейстер, его пасынок граф Эссекс и пират сэр Уолтер Рэли. Денег она, однако, на своих любимцев не швыряла, отделяясь главным образом предоставлением им почетных званий и торговых привилегий. А когда граф Эссекс (1566—1601), бывший на 33 года

ее моложе, попытался проявить характер и вмешаться в государственные дела, то получил пощечину и был отправлен усмирять в который уже раз взбунтовавшихся ирландцев. Не справившись с этим поручением, он не смирился и, вернувшись в Лондон, попытался организовать заговор против Елизаветы, но, не будучи поддержан народом, потерпел неудачу и был обезглавлен.

Да, увлечения у Елизаветы хотя и были, по оставались, несомненно, на втором плане и не отражались на интересах и средствах государства. В течение ее долгой жизни к ней сватались многие особы самых знатных родов — в том числе король Испании, принц Франции, царь России. Несомненно, надеялся на корону и граф Лейстер.

Но Елизавета неизменно отвергала все брачные варианты. Очевидной причиной было нежелание хоть в какой-то мере поступиться властью. Но была, как мне кажется, и еще одна, менее тривиальная причина безбрачия Елизаветы и настойчивого подчеркивания ею своей девственности. Эта удивительная причина раскрывается в коротком, содержащем всего шесть строк стихотворении В. Берна, написанном по поводу коронации Елизаветы в 1558г. Ниже это шестистишье приводится как в подлиннике, так и в русском переводе. Хотя последний формально и достаточно точен, однако параллельное приведение и оригинала представляется необходимым, так как в стихотворении есть весьма существенная, непереводаемая на русский язык, деталь: Англия по-русски — слово женского рода, а в контексте стихотворения оно имеет мужской род. Стихотворение это является клятвой Елизаветы перед алтарем при вступлении в брак с England'ом. Хотя оно сочинено не самой королевой, но, несомненно, либо было ею инспирировано, либо было ей известно и произвело на нее неизгладимое впечатление. По-видимому, она действительно считала себя супругой England'a, всю жизнь свято блюла его интересы, как она их понимала, и только смерть их разлучила.

**A Song
between the Queen's Majesty and England**

Here is my hand,
My dear lover England,
I am thine both with mind and heart,
For ever to endure
Thou majest be sure
Until death us two do part.

**Свадебное обращение
Ее Королевского Величества к Англии**

Вот рука моя,
Возлюбленная Англия,
Умом и сердцем я твоя — поверь.
Обетом невесты,
Ее честью

Клянусь, что нас разлучит лишь смерть.

Идейный глава всех врагов Елизаветы папа Сикст V, прокляв ее и отлучив от церкви, сказал: «О, если бы она не была еретичка, то достойна была бы править всем миром».

* * *

Если для королевы Елизаветы проблема замужества практически не существовала, то в жизни королевы Марии Стюарт она, наоборот, играла огромную и, можно сказать, роковую роль. Первый ее брак добавил к короне Шотландии (которую она имела с девятимесячного возраста) еще и корону Франции.

Но, быстро овдовев, она ее утратила. Сразу же после погребения первого мужа — короля Франциска — начались тщательные поиски следующего супруга — желательного с короной. Мария не прочь была бы выйти замуж за нового короля Франции Карла IX (брата покойного мужа), хотя ему было только 12 лет. Но королева-мать Екатерина Медичи терпеть не могла высокомерную невестку. Мария как-то неосторожно обронила что-то нелестное по поводу купеческого происхождения рода Медичи, и это ей никогда не было прощено. Другим соблазнительным женихом был инфант Дон Карлос, брак с которым обещал в перспективе корону Испании. Дон Карлос — историческая личность, широко известная по трагедии Шиллера и опере Верди. Однако реальный Дон Карлос не имел ничего общего со своим отражением в искусстве. Если Мария Стюарт была на голову выше своих фрейлин, имея рост 180 см, то Дон Карлос, вполне оправдывая свое имя, был карликом и весил только около 43 кг (6 1/2 стон). Вдобавок он был психически неполноценен от рождения. Погнавшись как-то за одной из служанок, он упал с лестницы и проломил череп, что способствовало дальнейшей деградации его личности. Именно после этого Дон Карлос и воспылал влечением к своей мачехе, столь романтически воспетым Шиллером. Можно себе представить, что за пару образовали бы высокая Мария и крохотный инфант, не говоря уже о различиях их интеллектов. Ведь Мария, как и Елизавета, была одной из образованнейших женщин той эпохи. Она любила музыку и писала стихи (на наиболее ей близком языке — французском). Мария была, несомненно, вполне осведомлена о внешности и особенностях характера Дона Карлоса, но на что не решишься, если твоей главной страстью является коллекционирование корон! Однако отец инфанта король Филипп II воспрепятствовал этому браку. Его не устраивало то, что по всем своим родственным связям и симпатиям Мария была француженкой, а с Францией Испания находилась в длительной вражде.

Претерпев все эти неудачи, Мария покинула Францию и отправилась в свое собственное королевство — Шотландию. Там она продолжала поиски достойного жениха, а так как коронованных не предвиделось, она сразу же стала домогаться, чтобы Елизавета официально признала ее наследницей английской короны. Дипломатические переговоры по этому вопросу были

продолжительны и закончились отказом Елизаветы, смысл которого состоял в том, что она сама была в течение шести лет наследницей своей сестры королевы Мери и хорошо представляет, насколько такое положение тягостно и опасно. Настойчивые, можно даже сказать назойливые притязания Марии на английскую корону уже в ту пору способствовали взаимному озлоблению двух королев. Что касается выбора жениха, то Мария, в конце концов, остановилась на лорде Дарнли. Психологический подтекст этого выбора, по-видимому, состоял в том, что жених был не только красив, но и имел гигантский по тем временам рост — 189 см.

Мария и Дарнли были несомненно эффектной парой: она с золотистыми волосами, светло-кариими глазами и безупречным цветом лица и он — элегантный блондин, на голову возвышавшийся над окружающими его мужчинами и на полголовы — над своей женой. К сожалению, во всех остальных отношениях они оказались несовместимы, следствием чего явилась цепь трагических событий, завершившаяся свержением Марии с шотландского трона. Не будем на них, однако, останавливаться, так как они многократно описаны. Целью этого маленького эссе является не пересказ известного, а добавление к нему исторически достоверных, но обычно остающихся в тени штрихов, позволяющих посмотреть на известные лица и события под необычными углами зрения.

Мария Стюарт чрезмерно любила власть, но пользоваться ею не умела. Нельзя было, истово исповедуя католичество, править протестантами в эпоху Варфоломеевской ночи и костров, на которых католики жгли протестантов, а протестанты — католиков. Нельзя было, потеряв корону Шотландии, бежать не во Францию — к родным и единоверцам, а в Англию, отдаваясь на милость Елизавете. Но бегство во Францию означало бы утрату навсегда корон и Шотландии, и Англии, а мыслить себя хотя бы без одной короны Мария была не в силах. И она пошла навстречу гибели.

Историки и, особенно, писатели недоумевали, почему почти за двадцать лет пленения Марии Елизавета так и не пожелала с нею встретиться хотя бы один раз? Но о чем им было разговаривать? Ведь все было предрешено! Елизавета использовала пленницу как средство отсрочить войну с Испанией, а когда необходимость в этом отпала, она сразу же ее уничтожила.

Существует версия, что Елизавета не торопилась утвердить приговор суда о казни Марии, терзаясь муками совести и трусости. Не зная достоверно, каковы были причины этой трехмесячной отсрочки, можно, однако, не сомневаться, что ни совесть, ни трусость здесь были ни при чем. Может быть, английская королева просто играла хорошо продуманную роль. Известно, во всяком случае, что, когда Елизавета потребовала, наконец, приговор на подпись, она поставила ее в хорошем расположении духа, любезно беседуя со своим секретарем (Дэвисоном) о погоде и разных пустяках. А в заключение этого разговора королева деловито остановилась на организационных деталях предстоящей казни: она должна была совершиться во дворе тюрьмы, при строго ограниченном круге присутствующих.

Суд, приговор и казнь заняли в общей сложности около четырех месяцев

(15 октября 1586 г. — 8 февраля 1587 г.), и именно этот краткий период стал апофеозом свергнутой шотландской королевы. Будучи недальновидной и легкомысленной в политике и жизни, она показала такое достоинство и мужество перед лицом смерти, что гордо вошла в пантеон истории и литературы. Поистине, утрата жизни стала для нее шагом в бессмертие — в бессмертие человеческой памяти.

Прошло уже около четырехсот лет со дня смерти Марии, а мы ее знаем и о ней помним. Более того, в умах большинства она запечатлена гораздо ярче той, по распоряжению которой человеку по имени Булл за работу, отнявшую у него менее минуты, была выплачена большая по тем временам сумма— 10 фунтов. В некотором смысле победа осталась за побежденной.

Роберт Саусвелл (1561-1595)

Поэт Роберт Саусвелл родился в католической семье. Он учился в Париже и Риме, вступил там в орден иезуитов. Пламенным католиком вернулся Саусвелл в 1586 году в Англию, чтобы бороться против Елизаветы за права Марии Стюарт. Но было уже поздно: 8 февраля 1587 года Мария вошла на эшафот. В связи с этим трагическим событием Саусвелл написал от имени Марии свое самое вдохновенное стихотворение. Но и после казни шотландской королевы Роберт продолжал действовать как активный католик, за что и был на тридцать четвертом году своей жизни повешен.

Была королева — стала святая,
Звали Марией — теперь зовут мертвой,
Сорвана корона моя золотая,
Но царство неба над мною простерто.

Жизнь и смерть — единого звенья,
Богатства разделят и друг и враг,
Быстрая смерть — конец долгих мучений,
Утрата жизни — в бессмертие шаг.

Круговорот времен

Обрубленное дерево вернет
Со временем свою листву. Растенье
Цветет и увядает, вновь цветет
В безудержном, неистощимом рвенье.
Так время движется за кругом круг:
От радости к беде, от зла к добру.

Ведь счастье — это вовсе не поток!
Оно, скорей, напоминает море:
В прилив оно вздымается, потом
Уходит, обнажая камни горя.
Нет радостей, что длятся без конца
И не могилы горестей сердца.

Не вечен листопад, как и весна,
Ночей и дней не умолкают споры,
Подчас птиц грустных звонки голоса,
А штиль порою верх берет над штормом.
Круговорот времен смирят страсть:
Стремясь наверх, страшимся мы упасть.

Триумф и гибель — братья-близнецы,
Большую рыбу в сети не заманишь,
Все и ничто — единого конца,
Как мало нужд и много как желаний.
Имеет кое-что, кто слаб иль слеп,
А счастье сильного — богатый склеп.

Филипп Сидни

(1554-1586)

Искусство английского сонета родилось около 1530 года и было завезено из Италии дипломатом и поклонником Анны Болейн, до ее брака, Томасом Уайетом. Посмертная публикация в 1591 году сборника сонетов «Астрофил и Стелла», принадлежавшего перу сэра Филиппа Сидни, вызвала в Англии кратковременную по историческим масштабам (длившуюся всего десять лет) интенсивную вспышку интереса к этой форме стиха. Именно тогда были написаны сонеты Спенсера, Дэниела, Шекспира и многих других.

Кроме упомянутого сборника, Сидни известен как автор пасторального романа «Аркадия» (содержащего, в частности, сюжет «Короля Лиры») и эссе «В защиту поэзии», где он заявил, что «поэт ничего не утверждает и потому никогда не лжет».

Аристократ и воин, поэт и мыслитель, друг великого гуманиста Джордано Бруно Филипп Сидни писал не для печати, а для близких друзей и завещал все свои сочинения после смерти уничтожить.

Он умер от ран, полученных в бою с испанцами (на территории Нидерландов), когда ему было только тридцать два года. Весь Лондон провожал его к могиле в соборе Святого Павла. Но, по счастью для поэзии и особенно для искусства сонета, его последняя воля исполнена не была.

Сонет 1

Привержен правде и в стихах желая
Любви дать слово, показать хочу,
Как больно мне, что вы, о дорогая,
Прониклись жалостью ко мне чуть-чуть.

Страницы многих книг перебирая,
Наимрачнейшие слова я в них ищу
В стремленье описать, как умираю,
Как утопаю в ливне слез и чувств.

Но вдохновение — дитя природы,
И знания ему не поводырь.
Слова чужие столь же неудобны,
Как сапоги, протертые до дыр.

Кусаю я перо, терзаясь, как в беде,
А муза говорит:

«Ищи слова в себе».

Сонет 2

Не с взгляда первого, не как случайный выстрел
Любовь глубокую мне рану нанесла:
Шагами малыми она к победе шла
И к сердцу моему подкралась исподволь.

Сначала любовался, о любви не мысля,
Потом влюбился, но в свои дела
Любовь не допускал, во избежанье зла,
А вслед за тем в слугу я превратился,

Что ропщет на хозяина порой,
Боясь его послушаться, а ныне
И это позади, теперь я раб немой,
Терпящий все причуды тирании.

Теперь единственной свободе рад:
Считать, что я в раю, попавши в ад.

Сонет 31

В молчании печальном, о Луна,
Ты шествуешь, являя лик свой бледный.
Ужели стрел своих полет победный
Амур стал направлять не только в нас,

Но и в тебя? В твоих глазах видна,
Желанная для тех, кто сам изведал
Любовных мук терзания и беды,
Овеянная томностью страна...

Скажи по дружбе, ценится ли там
Красавицами сердца постоянство?
Иль, как у нас, горда их чистота
И ждать от них взаимности напрасно?

А те, кому в любви там не ответили,
Считают ли жестокость добродетелью?

Сонет 39

Сон, жду тебя! Ведь ты — покоя узел,
Ума ловушка, горестей бальзам,
Богатство бедного, свобода узника,
Бесстрастные весы добра и зла.

Хочу с тобой в надежном быть союзе,
А так как главный враг себе я сам, —
От стрел отчаянья, от их зазубрин
Будь мне шитом, и я тебе воздам.

Все, все себе возьми: постель, подушку,
И тишину, и спальни полумрак,
И головы усталость непослушную...
Твое все это, ну а если все ж никак

Мне не заснуть — не в том ли сущность дела,
Что постоянно грезится мне Стелла?

Эдмунд Спенсер (1552-1599)

Традиция ставит Эдмунда Спенсера в английской поэзии XVI века сразу за Шекспиром. Zenитом его творчества был сборник «Amoretti»², посвященный Елизавете Бойл, впоследствии, после долгого ухаживания, ставшей его женой. «Amoretti» написаны в 1591—1595 гг., т. е. примерно в одно время с сонетами Шекспира. Кроме «Amoretti» хорошо известна ода «Волшебная королева», восхваляющая деяния королевы Елизаветы. Придуманная Спенсером для этой оды строфа получила название «спенсеровской» и была впоследствии использована многими английскими поэтами. В частности, этим размером написан «Чайльд Гарольд» Байрона. Изысканный и мелодичный в творчестве, в жизни Спенсер был жестоким чиновником. Вторую ее половину он провел в Ирландии, где в должности секретаря правителя этой страны лорда Вильтона беспощадно подавлял волнения католиков. За усердие был награжден имением и замком. Но в 1589 году этот замок был спален восставшими крестьянами, и Спенсеру едва удалось спастись бегством. Посланный с дурными вестями в Лондон, он там внезапно скончался.

Сонет 1

О, как блаженны вы, страниц пугливых ряд,
Трепещущих в руках ее лилейных!
Вы словно пленницы, под властелина взгляд
Попавшие и ждущие велений.

И вы блаженны, строки, на мгновенье
Привлекшие свет двух лучистых звезд.
Чтоб рассказать им о моих волненьях
Па языке неуголимых слез,

А плеск ритмичный рифм до нас донес
Журчание потоков Геликона!
Он извлечен из мира тайных грез
Моей душой, любовью истомленной.

Страницы, строки, рифмы — ей служите:
Мне ценен мир лишь как ее обитель!

Сонет 34

Подобно кораблю в морских просторах,
Стремящемуся вслед своей звезде
И, потеряв ее во мраке шторма,
Блуждающему неизвестно где,

И я теперь покорствую судьбе,
Утратив путеводный луч свой ясный,
И неизбежный мой теперь удел -
Нестись в безвестность между скал опасных.

Но все ж надежда есть, что шторм угаснет
И что опять звезда моя Гелисс,
Дарящая всегда мне только счастье,
Свой нежный взор с небес опустит вниз.

А до того удел мой — власти рока
Повиноваться в забвении глубоком.

Сонет 67

Подобно утомленному погоней
Охотнику, утратившему след
И у ручья прилегшему на склоне
Там, где сквозь ветви чуть проходит свет,

Я осознал, что уж надежды нет
И что пора с добычей проститься,
Как вдруг из леса, не боясь тенет,
Явилась лань к ручью, чтобы напиться.

Меня заметив, не умчалась птицей,
Доверчиво стояла предо мной,
Предоставляя счастье насладиться,
Ее касаясь ласковой рукой.

Не странно ли найти в столь робком звере
Такое безграничное доверье?

Сонет 75

Ее я имя вывел на песке —
Пришел прибой, и волны буквы смыли.
Я снова начертал его в тоске,
И снова стерто было имя милой.

- Увы, — она промолвила, — нет силы
В тщеславии твоём, а мой удел
Найти когда-нибудь свою могилу
И быть забытой навсегда везде.

- Ты не права! — воскликнул я. — Пусть те
Во прахе забываются, кто низок.
Наперекор презренной суете
Мои гордый стих судьбе бросает вызов.

Сколь ни могуча смерть — любовь сильнее
И вечно будет обновлять людей.

Фалк Грэвил
(1554-1628)

Лучше всего о себе сказал он сам в собственной эпитафии: «Слуга королевы Елизаветы, советник короля Якова, друг сэра Филиппа Сидни». В этих скупых словах столько содержания и оттенков, что трудно к ним что-либо добавить, не снизив впечатления. Отметим лишь, что они были написаны не менее чем через тридцать лет после смерти Сидни.

Ночь все цвета переплавляет в мрак,
Все линии уходят вслед за светом.
Наш глаз ведет себя теперь, как враг,
Воображая контуры предметов.

Тревоги ложные смущают нас,
И мир становится настолько сложным,
Что ночи непроглядная стена
Напасть любую делает возможной.

Что там за тьмой на самом деле есть,
Нам кажется игрой воображенья,
Зато подробно можем перечесть
То, что в действительности — просто тени.

Так мира дьяволов родился образ:
Он только отраженье нашей злобы!

Кристофер Марло (1564-1593)

Кристофер (Крис, как он сам себя называл) Марло родился в один год с Шекспиром, но на несколько лет опередил его в драматургии. В то время как Шекспир еще не создал ничего замечательного, Марло учился в Кембридже, уже в 23 года получил степень магистра искусств и сразу же преуспел как драматург и актер. Он не рифмовал строки своих трагедий, как было общепринято до него, а писал их более гибкими белыми стихами, превосходя предшественников глубиной и образностью содержания. За это он был впоследствии справедливо прозван «отцом английской трагедии».

«Могучий и порывистый Марло» — так сказал о нем Бен Джонсон. Но эти эпитеты относятся лишь к трагедии. В стихах Марло был сентиментален, отдавая иногда дань и модным в ту пору среди аристократии пасторалиям.

В религиозной буре XVI века Марло занимал крайнее положение: был атеистом или близок к этому. Фауст из его трагедии продает душу дьяволу не ради молодости и наслаждений, а как истый сын эпохи Возрождения — ради знаний, богатства и могущества, противопоставляя магию «презренной и подлой теологии». «O lente, lente, currite noctis equi» — словами Горация умоляет Фауст: «Медленней, медленней мчитесь, кони ночи»³. Увы, кони ночи быстро унесли и самого Марло. На 29-м году жизни он был заколот неким Инграмом Фрезером, когда в таверне за ужином они о чем-то поспорили. Но дело, им начатое в драматургии, гениально продолжил его ученик Вильям Шекспир.

Страстный пастух своей возлюбленной⁴

Приди ко мне и будь моей,
Счастливей станем всех людей
Среди полей, холмов, долин,
Среди лесов, среди вершин.

Там будем видеть мы всегда
Пасущиеся вокруг стада
И слушать пенье птиц и пчел,
Вторящих серебру ручьев.

Там сделаю из роз постель
Тебе и тысячу затей
Придумаю, чтобы в цветы
Вплетенной оказалась ты.

Тебе одежду я сотку
Из шерсти тонкой, словно пух,
А ножки в туфли облачим
Из драгоценнейшей парчи.

И пояс из плюща сошьем,
Его украсив янтарем.
Коль мил тебе подобный рай,
Приди скорей и будь моя.

Там, чтобы взор твой усладить,
Все дни нам будет танцевать
Пастушья резвая семья.
Приди ж скорей и будь моя.

Сэмюэл Дэниел (1562-1619)

Если судить об успехе по числу публикаций, то Сэмюэл Дэниел должен быть сочтен самым выдающимся английским поэтом конца XVI века. В самом деле, начиная с 1592 года в течение семи лет вышло семь изданий объемистого сборника его сонетов «Дэлия». Между тем сонеты Шекспира при его жизни издавались всего один раз (если не считать публикации двух сонетов среди произведений других авторов), Джон Донн при жизни не издавался вовсе (если не считать нескольких стихов). Отсюда очевидный вывод: значение поэта нельзя измерять количеством прижизненных изданий его сочинений. Впрочем, Сэмюэл Дэниел сыграл в английской поэзии XVI века свою интересную и важную роль. Он и Шекспир были друзьями, оба находились под покровительством юного графа Саутгемптона. Оба увлекались Монтенем, оказавшим на их мировоззрение глубокое влияние. Дэниел первым откликнулся на моду сочинения сонетов, внезапно вспыхнувшую после публикации сборника сонетов Филиппа Сидни. Он придерживался не итальянской, а той упрощенной и, соответственно, более гибкой, формы сонета, которая была введена Гоуардом. Когда несколько позднее искусством сонета увлекся и Шекспир, то он пошел по стопам своего друга. Влияние Дэниела на поэтическое творчество Шекспира несомненно.

Сонет 6

В моей любимой дивно сочетались
Нахмуренность и светозарный взгляд,
Суровость, побеждающая жалость,
С улыбкой, одаряющей стократ.

О скромница, отмеченная краской
Стыдливости! Как счастлива тропа
Любви небесной, юности прекрасной,
Влекущая стремительно тебя!

Хоть чистота и красота враждуют,
Но в ней они надежные друзья,
А коль щедра была б на поцелуй,
На что тогда бы жаловался я?

О, если б не была она стыдливой,
Кто Музу сделал бы мою счастливой?

Сонет 49

Сон —сочинитель сказок, мрачной ночи сын,
Брат смерти, в тьме изведавший рождение,
Возьми мое дневное утомленье,
И пусть рассвет меня увидит в цвете сил.

Нетерпеливо жду я новой полосы
В судьбе, терпящей кораблекрушенья.
Пусть пробужденные глаза с презреньем
Оплачут юности моей беспечный пыл.

И перестаньте, сны, быть пересказом
Дневных желаний, утренних страстей,
Добавите вы этим только разве
Лишь больше скорби к участи моей.

Мне лучше бы навек остаться с вами,
Забыв о гневе разочарований.

**Стихи,
приложенные к изданию
перевода „Опытов“
Мишеля де Монтеня
на английский язык⁵**

Привычка неотвязна, словно тень:
Она себе нас подчиняет с детства.
Кто лучше понимал, чем наш Монтень,
Как может быть повержен этот деспот?

В восторге аплодирую ему!
Как хорошо, что он пришел на встречу
С народом Англии и потому
Облекся в одеянье нашей речи.

Перо творца — монарха не вассал:
Позорно тратить ум на восхваленья!
Из разных стран звучат пусть голоса,
Объединенные свободой мненья.

Монтень, наш принц, о нет — король, ведет
Теперь застольные беседы с нами.

В них предстает весь человеческий род
В причудливой, подчас сумбурной, раме.

Но кто, вкушая яства короля,
Посетует на форму хрусталя?

Вильям Шекспир (1564-1616)

Человек с десятью тысячами душ — так назвал Шекспира Колридж (1772—1832). Действительно, выведя в своих произведениях множество разнообразных характеров, Шекспир почти не показал своего к ним отношения. Гениальный драматург, он был, по-видимому, и великолепным актером, способным перевоплощаться в любой образ, скрывая за ним собственное лицо. А каков все же был он сам?

В одной из своих трагедий Шекспир вывел героя, расследующего преступление, его раскрывающего и за него наказывающего. Тем самым он стал зачинателем нового литературного жанра — детектива. Этот жанр, несмотря на всю свою впоследствии популярность, никогда более не достиг уровня художественности своего первого образца. Возможно, что пристрастие англичан к таинственным историям объясняет, хотя бы отчасти, то, что и сам Шекспир со временем оказался окруженным тайнами и явился объектом ретроспективного детективного анализа. Долгое время усиленно обсуждалась гипотеза, что Шекспир всего лишь подставное лицо, за которым скрывается или какой-нибудь большой ученый (например, Бэкон), или какой-нибудь высокообразованный и много путешествовавший аристократ (например, граф Ратленд). Повод к таким предположениям давала исключительная широта знаний Шекспира, проступавшая во всех его произведениях и не вязавшаяся с его простым происхождением и скудным образованием. Подсчитали, что словарь Шекспира содержит около 150000 слов, что значительно превосходит запас слов других писателей и примерно в четыре раза — словарь человека со средним уровнем образования. Если проанализировать, из чего складывается это словесное богатство, то окажется, что помимо свойственных Шекспиру народности и образности языка, здесь играет существенную роль использование терминов, взятых из самых разных областей знаний: философии, религии, мифологии, географии, истории, юриспруденции, военного дела, техники, различных ремесел и т. д.

Поражающее многообразие языка Шекспира было одной из главных причин возникновения легенды, что он был лишь ширмой для кого-то другого. Но не следует ли из сказанного скорее обратное, что Шекспир был самим собой — провинциалом без систематического образования? Ведь оно всегда придает целеустремленность в части подбора знаний и не столько их расширяет, сколько углубляет в определенных направлениях. Разнообразие словаря Шекспира свидетельствует скорее о том, что он был высокоодаренным самоучкой, человеком с великолепной памятью, постоянно общавшимся с многими талантливыми людьми разных специальностей и жадно впитывавшим все, что они рассказывали. А была ли у Шекспира возможность такого общения? Несомненно! Напомним, как складывалась его жизнь.

Сын ремесленника из маленького городка Стрэтфорд на реке Айвон, Шекспир в юности получил школьное образование, в 18 лет женился на девушке старше себя на восемь лет (имея на то весомые причины), вскоре стал отцом трех детей и, казалось бы, следуя английским традициям, был предназначен как старший сын продолжать дело отца. Но, по необузданности нрава, он занялся браконьерством во владениях местного богача и судьи сэра Томаса Люси, был за это избит и отомстил, прибыв к воротам имения Люси свое первое литературное произведение — пасквиль на обидчика. Там, в частности, обыгрывалось созвучие фамилии Люси со словом lousy (вшивый). После этого оставалось только бежать из Стрэтфорда, что и было незамедлительно сделано.

Так двадцатитрехлетний Шекспир попал в Лондон в канун знаменательного для Англии и всей Европы года разгрома «Непобедимой Армады». Грозная туча вторжения, висевшая над Англией, рассеялась. Это была пора национального подъема, сопровождавшаяся вспышкой интенсивной литературной и театральной деятельности. По-видимому, Шекспир тотчас же нашел себя, обнаружив влечение к сцене и стал туда пробиваться — сначала как подсобник, потом как актер, а затем и как драматург. Уже через пять лет он стал не только известен, но и завоевал широкое признание, легко опережая в успехах своих более образованных соперников и вызывая у них зависть. Известность позволила ему стать вхожим в литературные кружки, которых тогда в Лондоне было немало. Там встречались интереснейшие люди этой бурной эпохи: поэты и драматурги, философы и воины, путешественники, объехавшие весь свет, и аристократы — покровители искусств.

Там велись и степенные беседы, и пылкие споры. Литературные кружки, собиравшиеся обычно в тавернах или салонах аристократов, были своеобразными университетами, и именно там следует искать происхождение тех богатых и разнообразных знаний, которые будучи помножены на великий природный талант дали человечеству Шекспира.

Одновременно с ним посетителем литературных клубов и таверн Лондона стал молодой голубоглазый красавец Генри Райтсли граф Саутгемптон, барон Тичфильд, воспитанник Кембриджского университета, снискавший уже в 16 лет степень магистра искусств. Он был на девять лет моложе Шекспира, и легенда (имеющая под собой, как выяснится из дальнейшего, немало оснований) видит в нем прообраз Светлоокого, воспетого в шекспировских сонетах. Граф Саутгемптон был не только знатен, красив и образован, но и был во всех отношениях незаурядной личностью. За ним впоследствии числилось и участие в морских боях (в том числе абордажных), и дуэли, и королевская милость, и королевский гнев, и брак по страстной любви, и смертный приговор, замененный заключением в Тауэр, из которого он вышел только после смерти королевы Елизаветы.

Юный Генри по своему уму и характеру вполне мог оценить гениального простолыдина и снизить до дружбы с ним, несмотря на огромное расстояние между их положением на социальной лестнице.

Пылкий Виль вполне мог ответить обожанием на неслыханную милость: внимание и дружбу юноши, принадлежавшего к родовитой знати Англии. Не возвратясь в XVI век, невозможно себе представить, сколь велика была эта честь и как она поднимала Шекспира и в своих собственных глазах, и в глазах окружающих. Отсутствие в сонетах даже намека на какую-либо критику в адрес Светлоокого, благоговение перед ним и безоговорочное отпущение ему всех грехов представляются вескими аргументами в пользу предположения, что адресат сонетов стоял гораздо выше Шекспира на социальной лестнице.

В подкрепление этой точки зрения можно привести еще две «улики» — одну в стиле Шерлока Холмса, т. е. основанную на достоверном факте, а другую — в стиле комиссара Мэгре, т. е. основанную на соображениях психологического характера.

Вот первая из них. Опубликовав в 1609 году сонеты Шекспира (это было их первое издание), книгоиздатель Томас Торп (Т. Т.) предпослал им следующее посвящение: «Единственному *begetter* этих сонетов м-ру W. Несчастия и бессмертия, обещанного нашим великим, вечно живущим поэтом, желает дерзновенный издатель Т. Т.». Слово *begetter* имеет несколько смыслов: *породивший, виновник, вдохновитель*. Так как м-р W. Н. Не породил этих сонетов, то, очевидно, он был их единственным виновником-вдохновителем. Инициалы W. Н. (как это было замечено уже давно) достаточно прозрачно расшифровываются как переставленные инициалы графа Саутгемптона (Henry Wriothesley: H. W.).

Вторая «улика», носящая психологический характер, состоит в следующем.

Когда королева Елизавета умерла, смерть ее вызвала поток поминальных стихотворений и поэм. Все поэты воздали посмертные почести королеве. Только один поэт не почтил ее — Шекспир. На первый взгляд, это выглядит чудовищной неблагодарностью. Ведь Елизавета не только много способствовала процветанию английского театра, но и была, несомненно, в числе поклонников таланта Шекспира. От нести молчание Шекспира за счет того, что он считал правление Елизаветы особо жестоким и реакционным, тоже никак нельзя. Он отлично понимал, что среди правителей того времени она отнюдь не выделялась в худшую сторону.

Но если принять гипотезу, что Светлоокий сонетов — это граф Саутгемптон, то становится ясно, что у Шекспира была глубокая личная причина ненавидеть королеву и радоваться ее смерти. Ведь по ее распоряжению граф Саутгемптон был приговорен к казни, и хотя приговор суда ею еще не был утвержден, но и не был отменен. Светлоокий находился в Тауэре под страхом казни в любой день, и только смерть Елизаветы дала ему избавление. Тем самым молчание Шекспира после смерти Елизаветы становится психологически оправданным. Таковы аргументы в пользу предположения, что прообраз Светлоокого сонетов Шекспира — граф Саутгемптон. Когда они сочинялись, графу было 19—20 лет, а Шекспиру около 30. Но почему же *the only begetter*? Ведь Светлоокий (кто бы он ни

был) не являлся единственным вдохновителем сонетов Шекспира. Некоторые из них посвящены даме — смуглой женщине, портрет которой, великолепный по образному реализму, дан в 130-м сонете. Однако с нею Шекспир обращается отнюдь не в духе традиций Петрарки. Он не только восхищается ею, но и этому удивляется, не находя в ней ни подлинной красоты, ни добродетелей. Его любовь переходит в ненависть, когда он узнает о романе Смуглой леди со Светлооким. Всю вину он целиком возлагает на нее. К Светлоокому же по-прежнему относится с обожанием. Все это заставляет предполагать, что Смуглая леди сонетов не была *The Lady*, т. е. знатной дамой или хотя бы дворянкой. Поэтому отождествить ее с какой-либо женщиной, запечатленной в анналах истории тех времен, надежды нет. Ничего кроме того, что рассказал о ней Шекспир, мы никогда не узнаем. Отсюда становится понятным и то, почему Т. Т. назвал м-ра W. H. *the only begetter* сонетов, хотя в них фигурируют две персоны. Смуглая леди в счет не шла. Она была социально несопоставима с м-ром W. H.

Таким образом, наиболее прямым источником сведений о внутреннем мире Шекспира являются его знаменитые сонеты, сочиненные им на четвертом десятке жизни. В отличие от драматических произведений, они были написаны не для обнародования, а для самого себя и ближайших друзей. Это позволяет ожидать, что именно в них Шекспир был наиболее откровенен.

Сонетная форма строга, и во все времена, на всех языках сочетать ее с образностью и подлинной эмоциональностью удавалось редко и лишь немногим. Шекспир, следуя в этом отношении Генри Гоуарду (1517—1547) и своему другу Дэниелу, пошел на упрощения: из четырех канонов сонета он соблюдал только два, а именно количество строк (14) и размер (пятистопный ямб). Его сонеты, в сущности,— полусонеты. Но такое упрощение позволило избежать надуманной аффектации, присущей большинству сонетов и обусловленной тем, что их авторы изливали душу, находясь в тесных рамках строгой формы.

Сонеты Шекспира повествуют о дружбе, перешедшей в преклонение, о любви, превратившейся в ненависть, и о примирении с судьбой. В них он изливает радость и грусть, нежность и негодование, восторг и отчаяние, восхищение и гнев. Есть в них отголоски традиций классического сонета, идущие еще от Петрарки, например, слишком частое повторение слова любовь, безудержное восхваление адресата. Тем не менее, из сонетов Шекспира отчетливо вырисовываются не только их герои, но и автор—многоплановый, обуреваемый страстями человек эпохи Возрождения. *Soul of the age* (душа эпохи) — так назвал его Бен Джонсон (1573—1637). Вряд ли скажешь проще и точнее.

Сонет 23

Плохой актер, запутавшийся в роли,
Увы, всегда имеет жалкий вид.
То в позу он становится героя,
То, растерявшись, подолгу молчит.

Таков и я: волнуясь, забываю,
Любя без меры, правила любви.
И страсти пыл бесславно погибает,
Себя своей же силой раздавив.

Мечтает сердце о любовных встречах,
Не зная, как сказать об этом вслух.
Так пусть же книг немое красноречье
На помощь сердцу поспешит, как друг.

Учись глазами слушать и внимли
Строкам безмолвным — языку любви.

Сонет 33

Как много ясных видел я восходов,
Ласкавших властно прелести земли,
Алхимией небес преобразавших воду
В искрящееся золото стремнин.

Но вот уж облаков заметны тени,
За ними тучи черные пришли,
Низложенный их мрачным появленьем,
Исчез рассвета лучезарный лик.

Так и мое сияет утром солнце,
Бросая на лицо свой нежный свет.
Оно лишь час со мною остается:
Закрылось облаком — и вот его уж пет.

Земные солнца, как и солнце неба,
Способны исчезать внезапно и бесследно.

Сонет 40

Все, все мои любви возьми, моя любовь,
Что больше будешь ты иметь тогда, чем прежде?
И обожание, и страсть, и нежность:
Все, все мое и так всегда с тобой!

Я никогда тебя не упрекну
В том, что любовь мою берешь корыстно,
Корю тебя за то, что ты неистов,
Порой себя способен обмануть.

Мой милый вор, легко тебя прощаю,
Хоть взял ты все — оставил ничего.
И все ж намного тяжелей отчаянье
От неудач любви, чем от угроз врагов.

О, сладострастник, не скрывающий грехи,
Убей меня, но пусть мы не враги.

Сонет 41

Те милые фривольности, которым
Ты предаешься без меня подчас,
Естественны: ведь; привлекая взоры
К себе, ты привлекаешь и соблазн.

Ты нежен и невольно обольщаешь,
Красив, а красота источник бед;
Сын женщины, — какую опечалишь,
Вкусить не дав ей радостей побед?

Увы мне, жду теперь тебя я втуне,
Теперь ласкаешь взоры ты другим,
Безудержно транжирия свою юность
И клятвы две развеяв, словно дым:

Ее — своею красотой склонив к измене,
Свою — своей же красотой обесценив.

Сонет 55

Ни мрамору, ни пышным монументам
Не пережить могучий этот стих.
И вы в нем обретаете бессмертность
Прочней, чем в камне можно обрести.

Когда война все статуи повергнет
И замки до фундаментов спалит,
То, даже если солнца свет померкнет,
Стихи преодолеют пламя битв.

Хвала о вас достигнет всех народов
Тупой вражде и смерти вопреки,
И образ ваш пройдет сквозь время гордо
До дня суда, что мертвых воскресит.

Пока же не раздастся страшный глас,
Все любящие будут помнить вас.

Сонет 59

Но если новое всего лишь миф
И то, что есть, уже когда-то было,
То все, что создается людьми,
Пустая трата и ума, и силы.

Когда бы взор проникнуть мог назад
Хотя б на пять сот солнца оборотов,
В старинных книгах стал бы я искать
Изображенья вашего прообраз,

Дабы узнать, что может древний мир
Сказать о вас, о чуде этом сложном:
Иль совершеннее они, иль мы,
Иль после перемен опять всё то же?

И все ж уверен, что средь всех похвал,
Для вас достойной я б не отыскал.

Сонет 66

О смерти я молю, я так устал
Смотреть, как нищий — нищим умирает,
И грязью благость веры залита,
И богачи живут, как в куцах рая,

И позлащенный олух стал велик,
И честь девичья поправа бесстыдно,
И властью связан творчества язык,
И совершенство терпит лишь обиды,

И глупость судит мастерства труды,
И прямота считается юродством,
И сила служит слабости владык,
И доброта покорна злобе черствой.

Устал я от всего и умереть готов,
Но не могу любовь оставить средь врагов.

Сонет 71

Не долее печальтесь обо мне,
Чем колокол, чей звон унылый
Оповестит всех, что меня уж нет,
Что мир людей на мир червей сменил я.

Склонясь тогда над этою строкой,
Не омрачайтесь скорбью бесполезной,
Я вас люблю настолько глубоко,
Что был бы рад из памяти исчезнуть.

И если вы прочтете этот стих,
Когда мой прах смешается с землею.
То имя автора произнести
Не торопитесь—пусть умрет со мною.

Ведь ваш невольный стон обоих нас
Злорадному злословию предаст.

Сонет 73

Во мне то время года видишь ты.
Когда на содрогающихся ветках
Чуть держатся поблекшие листья,
А нежный голос птиц звучит так редко.

Во мне ты видишь сумерек приход
На смену многоцветному закату,
И скоро станет черным небосвод,
Напоминая смерти неотвратность.

Во мне ты видишь отблески огня,
На пепле чуть мерцающее пламя,
Сжигающее медленно меня.
А жизнь уже — почти что за плечами.

Ты это сознаешь и любишь тем сильней,
Что впереди у нас не так уж много дней.

Сонет 75

Вы для души моей — как хлеб для тела
Иль как весенний ливень для земли.
За ваш покой веду борьбу я смело,
Как скряга, клад которого нашли.

То гордо наслаждаюсь, то в смятенье
Боюсь, что годы украдут мой клад;
То с вами я ищу уединенья,
То показать свое богатство рад.

Когда мы вместе — это лучший праздник.
Когда вас нет — душа в глубокой тьме.
И не нужна мне никакая радость,
Коль не от вас она придет ко мне.

И так пресыщен я и в малом, и в большом:
Или имею все, или всего лишен.

Сонет 90

Коль хочешь ненавидеть — так теперь
Согни меня и отлучи от счастья,
Когда мои деянья на кресте,
Уйди и более не возвращайся.

И если даже одолею скорбь,
Не торопись ей приходить на смену.
Дождей и вихрей разъяренный спор
Моей души не поколеблет стены.

Уйти желаешь — первой уходи.
Не жди, пока судьба свой гнев растратит,
Зло худшее идет пусть впереди —
Тогда дальнейшее приму как радость.

Ничтожно все, что может взять судьба,
В сравнении с утратою тебя.

Сонет 93

Как муж наивный, верю беззаветно,
Что ты верна, что взор правдивый твой
Действительно правдив. Но так ли это?
Твой взор со мною — сердце не со мной.

Обычно лица лживость обличают,
Сердец измены выдают на суд
Иль хмуростью, иль словно бы нечаянной
Морщинкой, пробегающей у губ.

Но неприязнь не может отражаться
В твоих чертах, ты так сотворена,
Что не тускнеет ласковая грация,
Скрывая тайных мыслей письмена.

Невинной внешностью своей затмила
Ты яблоко, что Еву соблазнило.

Сонет 100

Где ты, о Муза, почему забыла
Того, кому меня ты отдала?
Не трать ни вдохновение, ни силы
На малые, презренные дела.

Забывчивая Муза, не расходуя
Впустую на невежд свои дары,
Пой тем, кто чтит твой голос благородный
И мастерством тебя благодарит.

Встань с ложа, Муза, и взгляни, как светел
Лик друга моего — лицо любви,
И коль морщинку ты на нем заметишь,
То время опозорь и заклеями.

И пусть искусство вновь одержит верх,
Отняв у времени его косу и серп.

Сонет 110

Да, это так, по свету я бреду,
Шутом или безумцем притворяясь,
Весь мыслями охвачен, как в бреду.
Что драгоценно мне — легко теряю.

Вся правда в том, что я всегда, везде
Смотрю на мир взыскательно и странно,
Но, обновляясь в пламени страстей,
К тебе я возвращаюсь постоянно.

Все это позади. Отныне счастлив будь,
Отныне не хочу испытывать терпенье
Того, кто уж давно вошел в мою судьбу,
Как бог любви, достойный поклоненья.

Приветствуй же меня, прижми к груди своей,
Что неба райского яснее и нежней.

Сонет 115

Все ложь, что до сих пор я написал.
Там сказано, что не могу сильнее
Любить вас, но тогда еще не знал
Я, как любить безудержно умею.

Случайности наперегон спешат,
Ломая наших жизней расписание,
Вползают в клятвы, светлое чернят
И притупляют остроту желаний.

И к переменам даже мудрецов
Склоняют. Под судьбы жестокой сенью
Мог ли поверить я в свою любовь,
Уверенный лишь в собственных сомненьях?

Любовь — дитя, но так произнести
Нельзя, не зная, будет ли она расти.

Сонет 121

Уж лучше быть плохим, чем слыть плохим
И осуждение терпеть напрасно.
Все радости не более чем дым,
Когда чужому мнению подвластны.

Зачем лжецов ничтожная орда
Следит за сердца моего кипеньем
И слабые о слабостях твердят,
Судя о том, что мне всего ценнее?

Нет, я есть я, они — это они,
И осуждать меня у них нет права!
Ни в чем и никогда мы не равны,
Пока я враг их злобного устава,

Гласящего, что люди все плохи
И правят, опираясь на грехи.

Сонет 130

Блеск глаз ее не ярче солнца юга,
А губ ее красней кораллов ряд,
Снег бел, но почему тогда так смуглы
Две груди, привлекающие взгляд?

Как проволока, волосы курчавы,
Оттенок щек далек от нежных роз,
И не благоуханнее дубравы
Ее дыхание и аромат волос.

Хоть голоса ее я раб отныне,
Но стройный голос музыки милей.
Я не видал, как шествуют богини,
Моя любимая ступает по земле.

И все ж, клянусь, она неповторима
Не менее, чем все богини Рима.

Сонет 149

Жестокая, как ты могла промолвить,
Что не люблю тебя? Ведь весь я твой!
Не забываю ли себя безвольно,
Всецело очарованный тобой?

Кто друг мне, коль тебя он ненавидит?
Кому нахмуришься — я разве улыбнусь?
А если будешь на меня в обиде,
Стон из моих не вырвется ли уст?

Какие почести я чту, которых
Не бросил бы перед тобою ниц?
И не готов ли все твои пороки
Боготворить за взлет твоих ресниц?

Увы, таков твой нрав, и мой напрасен пыл:
Тобой я ослеплен и тем тебе не мил.

Томас Кэмптон *(1561-1620)*

Томас Кэмптон — законовед и врач — отдавал свой досуг поэзии, увлекаясь в основном сочинением песен. Этому способствовало и то, что он умел сочинять не только слова, но и музыку для голоса в сопровождении лютни. Правда, как композитора современники ставили его не очень высоко, но, тем не менее, его песни, благодаря живости их содержания, имели несомненный успех. С ним в этом соревновался Джон Донн, стремившийся придать своим песням динамичность, используя для этого перебои в ритмах. Но музыку Донн сочинять не умел, ее для его песен подбирали другие.

Коль не можешь — не люби,
Если любишь — то терпи:
Склонны ревновать мужчины
По ничтожнейшим причинам
И, в унынье иль с досады,
Говорят не то, что надо.

У кого любовь одна,
У того она стройна:
Красота не сыщет славы,
Если служит для забавы,
Ухажерство же для нас
Лишь обман сердец и глаз.

Для мужчин желанный отдых
Конь, да сокол, да свобода.
Болтовня в домашнем круге
Не занятие для супруга,
Если это ты поймешь,
То любовь всегда найдешь.

Колдовство

Пепел сожженного дуба трижды подбрось,
Трижды три раза узел из конских волос
Свей и туго-претуго его затяни,
Чуть шепча:

«Полюби, полюби, полюби...»

Пряные травы пусть будут в костре гореть,
Брось туда же совиные перья и ветвь
Кипариса, что рос на могильном холме:
Тогда все что надо совершишь ты вполне.

Вас вызвав, о Духи Земли, стану молить
Своим могуществом сердце ее смягчить.
Но, увы, я напрасно надеюсь на вас:
Колдовство бессильно против чар ее глаз.

Джон Донн (1572-1631)

Джон Донн — имя, звучащее, как два удара колокола. Католик и протестант, поэт и священник, адепт свободной любви и нежный муж, променявший блестящую карьеру на счастливый многодетный брак. В нем причудливо пересеклись средневековые с его отточенной схоластикой и Возрождение с его свободомыслием и верой в человека. Знаменитый при жизни, Джон Донн потом был забыт более чем на два столетия, но в наш век стал еще более знаменит, чем в свое время. Слова из проповеди настоятеля собора Святого Павла преподобного Джона Донна взял, как знамя, для своего самого человеческого и демократичного романа «По ком звонит колокол» Эрнест Хемингуэй.

Историки литературы окрестили Донна основоположником метафизической поэзии в Англии — поэзии противоречий, использующей сложные, подчас вычурные образы и ходы мысли. Иногда его называют также зачинателем барокко в английской литературе. А следовательно, можно сказать, что Джон Донн объединяет в себе черты трех эпох: средневековья, Возрождения и барокко — так оно и есть.

Разбитое сердце

Тот спятил с ума, кто утверждает,
Что охвачен любовью был целый час,
Суть не в том, что любовь угасает,
А в том, что вспыхивает много раз.
Кто и где согласится со мною,
Что целый год я болел чумою?
И не рассмеется ль он во все горло,
Услышав, что сутки взрывался порох?

Ах это сердце! Оно — загадка,
Когда попадает в объятья любви!
Прочие беды соблюдают порядок:
Уступая друг другу места свои,
Чередуются, а любовь захватывает
И, не разжевывая, нас проглатывает.
Звучит она, как победный залп,
Убивающий наповал.

Если не прав я, то что случилось
С моим сердцем при встрече с тобой?
Вошел в комнату — оно билось,
А вышел — и грудь оказалась пустой:
Мое сердце к твоему отправилось,
Чтобы вымолить хоть каплю жалости,
Но, увы, любовь движеньем резким
Его разбила, как зеркало — вдребезги.

Но нечто не может в ничто превратиться,
Пустота не бывает вовсе пустой,
Поэтому разбитого сердца частицы
Не в состоянии расстаться со мной.
В этих осколках теперь отражается
Множество лиц, меня озаряющих,
Но не заменят они единственного,
Того, что сердцем было выстрадано.

Колдовство образа

Я смотрю в твои глаза и вижу,
Как сгораю в пламенных зрачках,
Опустив же взор немного ниже,
Вижу, как тону в твоих слезах.
Ты владеешь колдовским заклятьем,
Можешь образы творить и убивать их.
Где ж пределы этой тайной власти?

Так солены и так сладки слезы!
Я уйду, и станет больше их,
Но растают в них тогда угрозы
Чар всепокоряющих твоих.
Все ж и после моего ухода
Навсегда ты сохранишь мой образ,
Только не в глазах, а в сердце добром.

Вздых

Итак, пришла пора расторгнуть поцелуй
Прощальный, высосавший наши души.

Конец! Иди туда, а я сюда пойду,
И свет счастливейшего дня потушим.
Не говорим любви мы:

«Подожди», —

Но сможем ли сказать ей:

«Уходи»?

Уйди! И если ожиданиям вопреки
Такой приказ не умертвит мгновенно
Тебя, — его без промедленья возврати
Убийце, чтоб узнал ему он цену,
И, коль меня еще не поздно тем убить,
Прими вторично смерть, произнеся:

«Уйди!»

Вычисление*

Со дня вчерашнего я двадцать лет
Не ведал, что тебя со мною нет,
Еще лет сорок вспоминал о прошлом
И столько же — все думал, что придешь ты.
Век вздохи унесли, два отданы слезам,
Тысячелетие ушло — куда, не знаю сам.
Лишь о тебе мечтал все годы эти,
Пока не пронеслось еще тысячелетье.
Теперь я мертв, но и бессмертен — ведь
Для призраков не существует смерть.

* 24 часа = 2400 годам.

Приманка

Приди ко мне и будь моей,
Счастливей станем всех людей
Там, у кристального ручья,
Где рыбки бродят вокруг крючка.

Согреет твои лучистый взор
Тех струек бесконечный спор,

И скажет рыбка, приплывя:
«Поймай, пожалуйста, меня».

А если в воду ты войдешь
И среди рыбок поплывешь,
То вся серебряная рать
Примчится, чтоб тебя поймать.

О как хотел бы я посметь
На это зрелище смотреть!
Тогда ни солнца, ни луны
Лучи мне не были б нужны.

Пускай другие рыбаки
Часами ждут, как дураки,
Иль ловят бедных рыбок в сеть,
Где сотни их находят смерть,

Где руки грубые берут
Их, чтобы на берег швырнуть,
А лакомые червячки
Скрывают злобные крючки.

С тобой, увы, я сам не свой,
Приманка ты — сама собой,
А эта рыбка, что сорвалась,
Меня умнее оказалась!

Трижды глупец

Я дважды глуп, я это знаю,
Любя и о любви вздыхая
В рыданьях рифм и строк,
Но кто бы изливал стихов поток,
Когда б согласия легко добиться мог?
Как узкие расщелины земли
Способны воды очищать от соли,
Так и душа моя, творя стихи,
Избавится от ошущенья боли:
Я так считал, уверенный, что ритм
Своим порядком душу исцелит.

Но вот исполнил я желанье,
Придав любовному страданью
Блеск строгий мастерства,
Но мучиться, увы, не перестал:
Ко мне явилась вскоре прежняя тоска.
Неотделимы горе и любовь
В поэзии, дарящей наслажденье,
Ведь каждое четверостишие за собой
Скрывает пережитые волненья.
А я, который дважды был глупцом,
И в третий раз готов сознаться в том.

Завещание

Когда я снова умер, что бывало
Со мной, о дорогая, всякий раз,
Как покидал тебя хотя б на час,—
Ведь это время вечностью казалось,—
То, несмотря на то, что был я мертв,
Все ж с кем-то вел о чем-то разговор
И, соблюдая все разделы правил,
Сам завещание свое составил.

Тогда был слышен голос мой усталый...
Он говорил, что естество мое
Себя убило и еще не раз убьет
И что тебе в дар сердце я оставил.
Искали сердце, но найти не удалось,
Тогда себя я разорвал насквозь
И вновь убил: увы, порыв был тщетен,
Я слова не сдержал, хотя был честен.

Но нечто к сердцу близкое нашлось там,
Похожее, но с множеством углов,
В нем не таились ни добро, ни зло,
Ему чужда была кому-нибудь покорность,
Оно прекрасно было, как предмет,
Искусством чьим-то вызванный на свет.
Хотел отдать его, но не расстался:
Оно твоим ведь сердцем оказалось.

Воздух и ангелы⁶

Дважды и трижды любил твою прелесть,
Прежде чем лик твой врезался в памяти:
Так в голосе, в бесформенном племени
Ангелов мы познаем божественность,
И когда близ тебя проходил, то странное,
Прекрасное нечто ощущал в том месте.
Душа от тела берет влечения,
А она — любви моей нежная мать,
Дочь не могла стать ее совершенней
И к плоти должна постоянно взывать.
Кто ты, где ты? Опять и опять
Я спрашивал... и теперь мы рядом,
Тело твое дарует мне радость,
Беру твои губы, беру твой взгляд.

Но вот чрезмерным становится счастье,
А воображенье с кораблем сходно:
Он, перегруженный, погружается в волны,
Оно — погружается в безучастность.
Хоть каждый твой волос отлично создан
Для любви каким-то великим мастером,
Но все же ни в чем — ни в простом, ни в сложном —
Невозможно сберечь оттенки страсти.
Ангелов божьих крылья и локоны
Из материи воздуха сотканы,
Так и твоя любовь растворяется
В моей, хоть и есть глубокая разница
Между божественной женской любовью
И грубой мужской волей.

Песня

Иди, поймай звезду, что с неба упадет,
Найди волшебный корень мандрагоры.
Скажи, кто дьяволу копыта подкует,
И объясни, куда уходят годы.
Учи меня русалок слушать пенье,
Пренебрегать врагов шипеньем,
И мне прошу ответить,
Что за ветер
Уму дает глубокие советы?

А если для видений странных ты рожден,
Невидимое видишь, как живое,
То десять тысяч дней пройдут, как сон,
И снегом голову твою покроют.

Вернувшись же оттуда, опиши
Те чудеса, что пред тобой прошли,
И клятву дай,
Что никогда
Не встретил ту, что и прекрасна и верна.

Коль все ж ее найдешь, то сообщи,
Что в странствиях своих обрел ты радость.
А впрочем, нет! Уж лучше промолчи,
Хоть даже буду я почти что рядом.

Ведь если ты правдивую найдешь,
И мне о том письмо пошлешь,
То до моих ворот
Пока оно дойдет,
Она тебе не раз, не два солжет.

С добрым утром

И я, и ты — что делать было нам,
Пока не повстречались мы с тобою?
Бродили мы, как дети, по лугам?
Иль спали крепче сказочных героев?
Но и тогда один мне был удел:
То, что искал я, то, что я имел,
Все было только сном, мечтою о тебе.

Теперь же — с добрым утром! нашим душам,
Проснувшись от длительного сна!
Им, так любовь любовно берегушим,
Ничтожная лачуга не тесна.
Пусть мореплавателей пестрый сонм
К открытиям заморским устремлен,
Наш мир един, и мы едины в нем.

Мое лицо в твоих глазах, в моих — твое,
Надежных двух сердец отражены там царства.
Кто, странствуя, те полушария найдет,

Где нет ни злобы Севера, ни Запада коварства?
Любой, в ком нет любви, на гибель обречен,
Но если мы свои сердца в одно сольем,
То не посмеет смерть войти в наш дом.

Песня⁷

Мой нежный друг, я не уйду,
Пресытившись тобой
Или в надежде, что найду
Милей любовь другой,
Но так как смерть
Уже вблизи,
Я в шутку обращаю жизнь
И смею все посметь.

Вчера лишь солнышко зашло,
А нынче снова здесь,
Без чувств, без радостей оно
Блуждает среди небес.
Смелей взгляни!
Ведь я быстрее
И солнца, и его лучей,
Крылатей, чем они!

О, как бессилен человек,
Коль счастьем опьянен,
Не ощущает, час иль век
Сегодня им пройден,
Но если грянет вдруг
Беда,
Все силы вспыхнут в нем тогда
Ума, страстей и рук.

Не воздух выдыхаешь ты,
А плоть души моей,
И станет, коль заплачешь ты,
Вся кровь моя бледней.
О нет, о нет,
Не может быть,
Что ты способна так любить,
Как обещала мне.

Пусть сердце дивное твое
О зле не говорит,
А вдруг судьба с ума сойдет
И страх твой воплотит!

В разлуке думай, что
Всего лишь,
Чтобы заснуть, мы отвернулись,
Что не разделит нас нигде, никто.

Сонет 4

О черная моя душа, явилась
К тебе герольдом смерти тяжкая болезнь,
Но, словно странник, недругам продавший честь,
Ты в край родной вернуться не решилась,

Иль словно вор, все приложивший силы,
Чтоб из тюрьмы бежать, но получивший весть
О близкой казни, умоляешь, чтобы здесь
Тебя навек пребыть приговорили.

Покаявшись, на милость ты получишь право,
Но кто же даст тебе спасенья кров?
Облечь себя спеши в священный траур
И краскою стыда признай позор грехов,

А душу грешную, чтоб стала вновь чиста,
Багряной кровью ороси Христа.

Сонет 7

На всех воображаемых Земли углах⁸
Трубите, ангелы, и, им послушны.
Вставайте, вы, бесчисленные души,
Найти приют в истерзанных телах.

Все превращенные огнем или водою в прах.

Все, кто тиранами или чумой задушен,
Кто войн или отчаянья изведаль ужас,
Сбирайтесь в ряд у ангелов в ногах.

Но нет, о боже, разреши им спать.
Грехи мои столь многи, столь огромны.
Что тщетно мне к прощению взывать,
Коль пред твоим сейчас предстану троном.

Дай мне раскаянья урок, и я
Прощенье заслужу — в залоге кровь твоя.

Сонет 10

Не будь горда, о Смерть! Пускай, кляннн,
Зовут тебя могучей и ужасной,
Но ты не такова, ведь ты не властна
Убить по выбору — его или меня!

Своих прообразов — покоя или сна —
Ты много хуже: ты уносишь часто
Достойнейших из нас и безучастно
В залог лишь кости оставляешь нам.

Но ты сама раба судьбы и королей,
Слепого случая и злодеяний.
Болезни, войны, яд тебя сильней
И вместе правят и тобой, и нами.

А так как Страшный Суд всех воскресит, то, Смерть,
Ты и сама должна когда-то умереть.

Призрак

Тобой отвергнутый, я умер в тот же миг,
Л ты, моя убийца, утвердилась
В уверенности, что освободилась
От домогательств пламенных моих.
Но позабочусь, чтобы призрак мой возник

В тот час, когда начнет мерцать свеча,
А твой любовник жалкий
В притворном сне лежит, все силы исчерпав,
Боясь твоих желаний, словно палки.
И вот тогда-то, в час, судьбой назначенный,
К тебе, томящейся в поту,
Холодном и блестящем, словно ртуть,
Проникнет привиденье неудачника.
Но что скажу тогда — сейчас я не скажу:
Невинность, сохраненная угрозой,
Мне не нужна, и полуночный образ
Сумеет вызвать искренние слезы.

Уолтер Рэли (1552-1618)

Даже среди ярких личностей, окружавших королеву Елизавету, сэр Уолтер Рэли выделялся как интереснейшая фигура. Основная его профессия была — пират, в чем не было ничего зазорного: пираты являлись тогда национальными героями Англии.

На парусных суденышках водоизмещением менее 200 тонн и длиной менее 30 метров они бороздили океаны, нападая на испанские торговые и транспортные корабли и отбирая у них награбленные в колониях богатства. Одни разбойники грабили других. Опасности подстерегали пиратов повсюду. На море грозили встречи с более мощными по размерам и вооружению военными кораблями противника, да и транспорты не всегда сдавались без боя. А на суше — встречи либо с испанцами, создававшими свои опорные пункты во многих точках Нового Света, либо с туземным населением, которое, наученное горьким опытом, обычно враждебно относилось к любым пришельцам. К этому надо добавить постоянную нехватку пресной воды и доброкачественной пищи, а также сильную зависимость успехов плаваний от капризов погоды: изнурительных штормов, рвавших паруса и ломавших мачты, и еще более изнурительных штилей, когда паруса неделями висели, как тряпки, а команда изнывала от палящего солнца, жажды и безделья. Не удивительно, что смертность среди членов команды кораблей была высока, а бунты на них — часты. В этих труднейших условиях партизанской войны на море закалялись мужество, выносливость и боевой опыт английских моряков. Именно на основании опыта пиратов возникла в конце XVI века новая тактика морского боя. Если прежде исход сражения кораблей решался тем, что они сходились борт о борт и команды вступали в рукопашную схватку (это называлось абордажем), то англичане перешли к тактике артиллерийского боя, при котором решающее значение приобретали не размеры корабля, а его скорость и маневренность. Поражение «Непобедимой Армады» многие историки приписывали только невезению, сильным штормам, свирепствовавшим тогда в Атлантике. Но это столь же неверно, как приписывать поражение Наполеона в России только морозам. Судьбу наполеоновской армии решили мужество русских солдат и мудрая стратегия их полководцев. Аналогично и судьба «Непобедимой Армады» была предопределена прогрессивной стратегией и тактикой английских моряков, в конечном счете — их лучшим умением вести морской артиллерийский бой и большей приспособленностью их кораблей к такому бою.

Но сэр Уолтер Рэли был не только одним из знаменитейших пиратов, но наблюдательным путешественником, оставившим после себя ценный географический труд об открытии Гвианы, о ее природных богатствах и о поисках там легендарного золотого города Эльдорадо. Еще при жизни автора этот труд был переиздан и переведен на несколько иностранных

языков. Есть его перевод и на русский язык (Москва, 1963). Именно Рэли оценил перспективы использования в Европе картофеля и привез из Америки в Англию его первые клубни. Отсюда эта ценная культура постепенно распространилась на всю Европу, и сам Иоганн Себастьян Бах, отведав картофеля, посвятил ему свое произведение. Именно Рэли завез в Англию табак. Науке понадобилось около четырех столетий, чтобы доказать, что этого не следовало делать. Но за это время 15 поколений европейцев успели получить удовольствие от курения.

Рэли был высок ростом, статен и долгое время пользовался расположением королевы, принимая в свободное от путешествий время участие во всех ее развлечениях. Однако его положение пошатнулось после того, как он завел роман с одной из фрейлин, а потом и женился на ней. Елизавета очень не любила, когда ее фрейлины выходили замуж, особенно за ее любимцев.

После смерти королевы Рэли и вовсе попал в опалу. Сын Марии Стюарт Джеймс (Яков I — английский король с 1603 по 1625 г.), вступив на престол, немедленно, к возмущению английских купцов и промышленников, взял курс на сближение с Испанией. Сэр Уолтер Рэли, один из зачинателей и лидеров английского колониализма, всю жизнь сражавшийся против испанцев и на море, и на суше, естественно, оказался в оппозиции к королю, был обвинен в измене и приговорен к казни. Но слишком велика была его популярность как национального героя, и король не решился приговор суда утвердить, однако и не отменил его.

Рэли остался в бессрочном тюремном заключении под угрозой смерти в любой день. 12 лет провел он в тюрьме, но она его не сломила. Рэли организовал там химическую лабораторию, где занимался не излюбленной для того, жадного до золота, времени проблемой «философского камня», а работал над гораздо более насущной для него как бывалого моряка задачей опреснения морской воды. Испытывая, по-видимому, боли в сердце, он пытался создать лекарство, их умеряющее, и как будто добился успеха. В годы заключения он написал трактаты о кораблестроении и морской тактике (одни из первых в мировой литературе), труды по политической экономии и философским вопросам (последние с оттенком скептицизма и даже атеизма), а также первый том «Всемирной истории».

Что же касается второго тома этого труда, то о нем А. Франс в рассказе «Кренкебиль» сообщает следующее: «В один прекрасный день Уолтер Рэли, заключенный в лондонский Тауэр, трудился, как обычно, над вторым томом своей «Всемирной истории» и вдруг услышал во дворе какую-то бурную ссору. Он подошел к окну, поглядел на ссорящихся снова взялся за работу в полной уверенности, что хорошо запомнил все подробности наблюдаемой сцены. Но, рассказывая о ней на следующее утро своему другу, тоже свидетелю и даже участнику происшествия, он был потрясен, заметив, как расходятся их наблюдения буквально во всем. Он задумался над тем, насколько трудно установить истинный ход отдаленных событий, если можно ошибиться даже в том, что видишь собственными глазами,— и предал

свою рукопись огню».

Таково удивительное объяснение, почему в книгохранилищах мира можно найти только I том «Всемирной истории» У. Рэли. Откуда взял эту информацию А. Франс, он не сообщает. Однако она правдоподобна, поскольку отлично согласуется со скептицизмом Рэли, просвечивающим во всех его произведениях. Поистине он был достойным поклонником и учеником Монтеня.

В 1616 году Рэли был все же выпущен из тюрьмы с тем, чтобы возглавить еще одну экспедицию в Гвиану в поисках золота. При этом ему был дан строгий наказ не вступать в конфликты с испанцами. Но они тоже искали золото в Гвиане и уже создали там несколько опорных пунктов, обойти которые было практически невозможно. Плохо обеспеченная экспедиция Рэли закончилась неудачей: золота он не привез, а схваток с испанцами не избежал, потеряв в одной из них сына. Испанский посол заявил официальный протест с требованием наказать виновника. Суда над старым пиратом не потребовалось. Ведь над ним уже пятнадцать лет висел неотменный смертный приговор. 29 октября 1618 года он был приведен в исполнение.

Повесть о жизни сэра Уолтера Рэли этим, однако, не исчерпывается: кроме того, он был выдающимся поэтом. Правда, литературное наследство его невелико — до нас дошло только около тридцати стихотворений, но они настолько своеобразны и по настроениям, и по языку, что Рэли невозможно спутать ни с кем из его современников.

На рубеже XVI и XVII веков, после смерти его сверстника и друга Спенсера, Рэли стал старейшиной английских поэтов, и, может быть, именно поэтому ему пришла в голову мысль учредить в Лондоне литературный клуб, который объединил бы ведущих деятелей английской культуры. Так возникла в 1603 году таверна «At Merdaids» («У морской девы»). Ее постоянными посетителями стали Шекспир, Донн, Бен Джонсон, Бомонт, Флетчер... Завсегдатаями таверны были также Иниго Джонс (знаменитый в ту пору архитектор и декоратор) и, разумеется, вездесущий граф Саутгемптон — меценат, друг поэтов и драматургов. История знает немало литературных клубов и сообществ, возникавших в разных странах, в разное время, но где и когда найдешь такое созвездие талантов?

И среди них почетное место председателя некоторое (правда, недолгое) время занимал капитан стражи ее величества, лорд управитель оловянных рудников и ее величества наместник в графстве Корнуэл сэр Уолтер Рэли. Таковы были его титулы в зените его силы и славы.

* * *

Дул холодный порывистый октябрьский ветер, когда сэр Уолтер взошел на эшафот. Несмотря на выпитый стакан вина, его охватывала дрожь, и он больше всего боялся, что это может быть принято за малодушие. Когда он положил голову на плаху, палач нашел, что она лежит для него несколько

неудобно и попросил чуть-чуть изменить ее положение.

«Неважно, где лежит голова,— возразил сэр Уолтер,— было бы сердце на месте». Эта последняя бравада стоила ему того, что голова отлетела не с одного, а только с двух ударов, хотя палач и был заслуженным мастером своего дела. Его звали Деррик. Он прославился тем, что любил вешать на очень высоких виселицах, чтобы зрителям и в первых, и в задних рядах, и маленьким, и большим были отлично видны все подробности происходящего. Его слава дошла до наших времен — теперь его именем называют стреломачтовые краны, широко применяющиеся при строительстве высотных сооружений.

Ответ нимфы страстному пастуху

О если б пастуха язык
Лишь правду говорить привык,
То и без всяческих затей
Пришла бы я, чтоб стать твоей.

Ведь наступают холода,
Уж тянутся к хлевам стада,
А соловья волшебный зов
В желтеющих дубравах смолк.

Цветы увяли на полях,
К зиме готовится земля,
Уж пчелы в ульи забрались,
А солнышко спустилось вниз.

Истлеет быстро мой наряд,
Коль будет сделан из гирлянд,
Ну, а постель из лепестков
Не более, чем баловство.

Меня не сможешь соблазнить,
Суля коралловую нить,
И ради этих всех затей
Я не приду, чтоб стать твоей.

Ведь если подлинна любовь,
Отраден ей сезон любой
И может лишь она, поверь,

Меня склонить, чтоб стать твоей.

О жизни человека

Что наша жизнь? Страстей кипенье,
Клубок влечений и сомнений.
Еще во чреве материнском
Подготавливаемся мы к риску
Сыграть коротенькие пьесы
Под строгим взором сил небесных.
Как занавеса черный шорох,
Укроют нас могилы скоро.
И только уходя со сцены,
Мы снова станем откровенны.

1612 г. Тауэр

Дай раковину мне покоя⁹
И посох веры, чтоб вперед спешить,
Дай список радостей, бессмертья поиск,
Фиал спасенья для моей души:
Тогда исполнен веры, в одеянье славы
Я в дальний путь стопы свои направлю.

Кровь будет тела моего бальзамом,
Других лекарств дано не будет мне,
Когда душа моя, как белый ангел,
Взлетит с земли к небесной вышине
И, пронесясь над серебром вершин,
В господнем царстве путь свой завершит.

К его там тени
Припаду благоговейно,
Душа напьется
Из священного колодца

И там она, здесь постоянно страждущая,
Не будет более томиться жаждой.

Вот моя самая последняя просьба
К тому, кто землю, море и воздух создал:
Зная, что плоть моя примет близкую смерть,
И желая все же завтра обед свой съесть,
Прошу, как только топор снесет голову,
Дать бессмертной душе голову новую.
И тогда я, уподобясь апостолу,
Отправлюсь в путь, предначертанный Господом.

Время таково: оно почитает за благо
Отнимать юность и радость, все чем горды.
А расплачивается старостью или плахой.
И мы, нисходя ныне в немые гробы
После того, как обошли всей земли просторы,
Могильной плитой захлопываем историю.
Но из праха, из тлена, из смерти
Господь поднимает нас — верьте!

Бен Джонсон (1573-1637)

В таверне «У морской девы» шли постоянные споры на разные, но преимущественно на литературные темы. Современники рисуют Шекспира наиболее находчивым и темпераментным из посетителей таверны. Вот как сказал один из них — Фуллер, сопоставляя его с восходящей звездой английской поэзии и драматургии Беном Джонсоном: «Мистер Джонсон был построен на манер испанского галеона — прочным, но зато медлительным. Шекспир же, подобно нашим английским бригам, благодаря скорости ума и силе воображения, был быстрее под парусами и умел поворачиваться при любом течении и под любым ветром». Не правда ли, великолепная, образная характеристика, достойная своей эпохи?

Приемный сын каменщика, Бен Джонсон родился на девять лет позднее Шекспира. Он прошел суровую школу жизни: был каменщиком, затем солдатом, после актером. Судя по приведенному выше мнению современника, он имел методичный, хотя и несколько медлительный ум. Исключительное трудолюбие в сочетании с незаурядными способностями позволили ему достигнуть глубоких знаний в античной истории и литературе, которые он широко использовал в своем творчестве. Бен Джонсон пытался построить теорию драматургии, основываясь на схематизации характеров. В этом он был противоположен Шекспиру с многоплановостью его героев. Поначалу Джонсон, несомненно, надеялся превзойти Шекспира в успехах и между ними были отношения соперничества. Но, к его чести и уму, он вскоре правильно оценил соотношение сил и, будучи в зените славы, приложил к первому посмертному изданию сочинений Шекспира (1623) свое стихотворение, в котором открыто признал Шекспира непревзойденным драматургом, а себя — его учеником. Это было не только надгробное преувеличение. Джонсон нашел для Шекспира столь теплые слова и столь яркие образы, что до сих пор никому и никогда их не удалось превзойти. Несмотря на некоторую растянутость стихотворения, оно подкупает вдохновенной искренностью и является высшим достижением Джонсона в поэзии. В прочих своих стихах он блистал скорее филигранным мастерством, чем подлинной эмоциональностью.

Из цитированного мнения современника, а также из теоретических высказываний Джонсона о поэзии и драматургии, казалось бы, следует, что он был догматичен и суховат, по типу напоминая больше ученого, чем поэта. Но в жизни он был совершенно другим, имел бурный темперамент и постоянно оказывался замешанным в неприятные истории. Сидел в тюрьме то за убийство на дуэли (за что, кстати сказать, по закону полагалась казнь через повешение, которой он как-то сумел избежать), то за сочинение крамольной «антишотландской» пьесы (король Яков ведь был шотландец), а

за переход в католичество, от которого Джонсону пришлось, во избежание худшего, быстро отречься, ему было поставлено клеймо на большой палец. Он часто ссорился с драматургами и актерами, поначалу и с Шекспиром.

Упорным трудом Бен Джонсон постепенно завоевал признание публики и двора и как драматург, и как поэт. В 1616 году король Яков пожаловал ему звание поэта-лауреата (первое в истории английской литературы), постоянную денежную премию (правда, весьма скромную) и приказал выдавать ему ежегодно бочку вина из королевских подвалов. Не для того ли Бен приехал в начале апреля 1616 года в Стрэтфорд, чтобы отпраздновать этот большой успех со своим старым, удалившимся на покой еще в 1613 году другом Шекспиром? Психологически эта гипотеза правдоподобна, а если бы удалось установить, что звание, пенсия и бочка вина были пожалованы Джонсону не позднее марта 1616 года, то она стала бы неоспоримой. Известно, что встреча состоялась в одной из стрэтфордских таверн, что в ней, кроме Шекспира и Джонсона, участвовал Трайтон и что примерно через две недели после этого (23 апреля 1616) Шекспир скончался. Видимо, он уже был серьезно болен (иначе чем объяснить три года его бездействия) и любые волнения, тем более сопряженные с перегрузками, были ему противопоказаны.

Благополучие Джонсона после назначения пенсии, казалось, было обеспечено, и его ожидала безоблачная старость. Однако он вновь сорвался, затеял ссору с любимцем короля архитектором и декоратором Иниго Джонсом, и это привело его к потере пенсии. Последние пять лет жизни Бен провел в нужде, а умер нищим. Но славу он сохранил, и прах его покоится в Вестминстерском аббатстве, а на надгробной плите вырублена гордая надпись: «Oh, rare Ben Jonson» (О замечательный Бен Джонсон). Могилы же Шекспира в Вестминстерском аббатстве нет. Он похоронен в родном Стрэтфорде в церкви Святой Троицы, охраняемый начертанным на могиле проклятием всякому, кто потревожит его кости:

О путник, если здесь пройдешь,
Моей могилы не тревожь.
И проклятым да будет тог,
Кто эти кости шевельнет.

Трудно сказать, боязнь ли проклятия или уважение к воле покойного помешали присоединить Шекспира к пантеону великих людей Англии. Вероятно, и то и другое. Впрочем, так справедливей: ведь великих людей в Англии было много, а Шекспир — один.

К Целии

Глазами пей меня до дна,
А я своими поклянусь,
Что если кубку дашь ты в дар
Свой поцелуй, то не коснусь
Вина в нем. Жажда лишь одна-
Та, что в душе рождает грусть,
Меня томит, и сам нектар
Моих не утолил бы уст.

Послал из роз тебе венок
Не с тем, чтобы тебя почтить,
А лишь в надежде, что тогда
Он будет продолжать цвести.
Дыханья твоего глоток
Его бутоны воскресит,
И аромат твой на года
В его цветенье будет жить.

В память моего любимого учителя, автора Вильяма Шекспира о том, что он нам оставил

(Отрывок)

Итак, начинаю: Душа Эпохи!
Аплодисменты! Рыданья! Вздохи!
О мой Шекспир! Не сравним ни с кем ты,
За тобой Чосер, Бомонт и Спенсер,
Не монумент над забытой могилой
Твои книги, а бессмертная сила.
И благоговейно им внимая,
Мудрость с тобою мы разделяем.

Гордись, о Британия, велик твой сын,
Все сцены мира склонились пред ним,
И мера его — не годы, а вечность.
Муз вокруг себя собирал он беспечно,
А когда, соревнуясь с Аполлоном,

Вещал со сцены, словно с трона,
Сама природа ему завидовала
И в сходстве с его твореньями видела
Свою заслугу, настолько были
Они безупречны в блеске и силе.
Лебедь с Авона! Взмахнув крылами,
Ты гордо явился пред нами
И, величественно взлетев над Темзой,
Восславил деянья Элизы и Джемса *!
Теперь ты к сферам небесным вознесся,
Ближе к созвездиям, ближе к звездам.
Сияй же ярче, светило поэтов,
Да будет тобой их слава согрета!
Без тебя сцена в глубоком трауре,
Продолжая жить твоей лишь славою.

*Имеются в виду королева Елизавета I и король Яков I.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поразительно плодотворным для западноевропейского искусства был рубеж XVI и XVII веков. В течение двадцати лет (с 1590 по 1610 г.) было создано столько и таких шедевров, как ни в какое другое время. Посудите сами.

В А н г л и и

Все произведения Шекспира (трагедии, комедии, сонеты), кроме трех самых последних сочинений.

Все лучшее, что было создано Джоном Донном (его лирика и его мистические сонеты).

В И с п а н и и

Дон Кихот и другие произведения Мигеля Сервантеса де Сааведра (1547—1616). Даже не верится, что такие две высочайшие вершины культуры, как «Гамлет» и «Дон Кихот» создавались одновременно (1601 — 1603) и что умерли Шекспир и Сервантес не только в один год (1616), но и в один и тот же месяц (апрель), словно это были не два разных человека, а один гений в двух его ипостасях. Кстати, родился Шекспир в год смерти величайшего трагика в живописи — Микеланджело Буонарроти.

Драматургия Лоне де Вега (1562—1635): «Валенсианская вдова» (1600), «Государь, сброшенный со скалы» (1603), «Фуэнте Овехуна» (1612).

Живопись Эль Греко (1541—1614), для которого наиболее плодотворными были все те же «заколдованные» годы (1601 — 1603), когда им были созданы такие шедевры, как «Поклонение пастухов», «Распятие», «Святой Бернард», «Святой Доминик», «Святой Мартин с нищим». Экстатические «молитвенные» сонеты Джона Донна не только по содержанию, но и по элементам маньеризма родственны Эль Греко. А замечательный портрет Хуана де Сильва «Человек с рукой на груди» (музей Прадо) у меня ассоциируется с образом поэта и рыцаря Филиппа Сидни, как он рисуется по его сонетам и по его делам. Человек, изображенный на этом портрете, мог быть другом Джордано Бруно!

В И т а л и и

Одновременно с «Гамлетом» и «Дон Кихотом» создает свои лучшие полотна «Положение во гроб», «Смерть Марии», «Мадонна ди Лоретто» художник Микеланджело да Меризи, по прозвищу Караваджо (1573—1610). Если Эль Греко идейно близок к Донну, то Караваджо — к Шекспиру. Его живопись избегала традиций изысканного искусства Возрождения и знаменовала переход к народности и реализму. Она открыла путь творчеству

П. П. Рубенса (1577—1640) и Х. Риберы (1591—1652).

Английские тексты стихотворений взяты из следующих изданий:

1. Trench R. C. A Household Book of English Poetry.— London: Macmillan Co., 1968.
2. The Sonnets of Shakespeare. — N. Y.: Dell Publishing Co, Inc., 1960.
3. Joh Donn. Selected Poems / Ed. by Juhu Hayward. — Pinguin Books Ltd., England, 1950.
4. Poets of the English Language: The Viking Portable Library/Ed. H. Auden and N. H. Pearson.— N. Y.: The Viking Press, 1950. — Vol. I, II.

Исторические справки о поэтах и их окружении составлены на основании следующих источников:

1. Кох Макс. Шекспир / Изд. Маракусва.—М.:1888.
2. Чуйко В. В. Шекспир, его жизнь и произведения.— СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1889.
3. Аникст А. А. Шекспир: Серия ЖЗЛ. — М.:Мол. гвардия, 1964.
4. Мортон А. Л. История Англии. — М.: Изд. иностр. лит., 1950.
5. Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения.—Л.: Искусство, 1973.
6. История западноевропейского театра / Под ред. С. С. Мокульского; т. I. — М.: Искусство, 1956.
7. Хрестоматия по истории западноевропейского театра/Сост. С. С. Мокульский; Т. I.—М.: Искусство, 1953.

Широко использовались также Большая Советская Энциклопедия и Enciclopedia Britannica (1928г.).

В. НОВОЖИЛОВ

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

¹ Однажды Генрих VII созвал своих вассалов и сообщил, что собирается объявить войну Франции, чем их весьма порадовал, так как бароны, графы и герцоги любили повоевать. Они быстро собрали необходимые для войны средства и вручили их королю. Но он передумал — войну не объявил, а деньги не вернул.

² Amoretti — это маленькие крылатые мальчишки — спутники Венеры и Амура, в изобилии резвящиеся на картинах художников времен барокко и рококо.

³ Сквозь века эти строки Горация донеслись и до нас в замечательной песне В. Высоцкого:

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее...

⁴ Эта скромная пастораль имела у современников большой успех, была положена на музыку и вызвала отклики многих поэтов, в том числе У. Рэли и Д. Донна.

⁵ Перевод этого стихотворения Дэниела выполнен на основании следующего подстрочного перевода, приведенного в книге В. В. Ч у й к о «Шекспир, его жизнь и произведения» (СПб, 1889, с. 426):

Тираном людей является привычка; никто не преследовал этого тирана и не боролся с ним так, как наш Монтень; он более чем кто-либо воевал с этим деспотом, который держит нас в рабстве. Я люблю его, приветствую его восторженными аплодисментами и рад, что он акклиматизируется среди нас. Благодарю вас, что вы дали ему прекрасное помещение, другое одеяние и полную свободу речи. Благодаря счастливой привилегии, перо всякого писателя не бывает вассалом одного монарха; оно принадлежит всему миру. Все высшие умы образуют одну лишь республику и ничто не может помешать обмену их продуктов. Что же касается нашего принца Монтеня, или, вернее, нашего короля, то вся критика должна сознаться, что он дает нам чрезвычайно драгоценные образчики человечества, хотя в беспорядке и в поломанной раме. Но разве гость, сидящий за столом монарха, жалуется на форму посуды, в которой ему предлагают тонкие яства?

⁶ По учению Фомы Аквинского, бесплотные ангелы являются людям в форме уплотнений воздуха.

⁷ Эту песню Д. Донн написал, когда ему было уже 38 лет, и он (в ту пору постоянно нуждавшийся) вынужден был отправляться в дальнее путешествие. Она обращена к его жене, которая в это время готовилась восьмой раз стать матерью. После тщетных попыток занять достойный государственный пост Д. Донн становится священником (ему было тогда сорок два года) и вскоре приобретает славу замечательного проповедника. Смерть нескольких детей и любимой жены способствовала углублению в нем мистических настроений.

⁸ В Апокалипсисе (гл. 7) сказано: «И после сего видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах Земли...» Тот, кто это написал, еще не знал, что Земля — шар, а Д. Донн уже знал это, и ему пришлось искать формулировку, не противоречащую ни фактам, ни Священному Писанию.

⁹ Это и два следующих стихотворения сочинены У. Рэли в ночь перед казнью и, как

гласит предание, были нацарапаны бриллиантом на стекле.